

Глава 8. ПИРАМИДА ПЕРЕВЕРНУЛАСЬ.

Все имена сменились на Руси.
(Политика - расклейка этикеток,
назначенных, чтоб утаить состав),
Но выверты мышления все те же.

.....
И в мире нет истории страшней,
безумней, чем
ИСТОРИЯ РОССИИ.

М.Волошин

Знаменитый историк Французской революции Ф.Олар, на склоне лет оказавшийся свидетелем революции русской, считал, что современник в принципе не может постичь истинный смысл происходящих на его глазах исторических событий. Он писал, что, может быть, только к 1970 г. мы получим возможность разобраться в причинах, движущих революционными событиями в России. Видимо, Олар был прав. Скороспелые попытки объяснения исторических катаклизмов, предпринимаемые по горячим следам их участниками и непосредственными наблюдателями, редко бывают глубокими, хотя порой им не откажешь в образности и точной передаче внешнего облика событий.

Но мы давно уже прошли полувековую отметку, названную Оларом в качестве рубежа, который позволяет взглянуть на минувшее с позиций определенной исторической перспективы, и теперь удаляемся от нее. Мы обязаны спешить в наших попытках осмыслить происшедшее, стремиться проникнуть в глубинную суть явлений, понять устройство двигавших событиями механизмов. Если мы хотя бы вчерне не сделаем этого сейчас сами, то потом другим сделать это будет гораздо труднее, ибо следующие поколения уже не смогут по-настоящему воспринять дух прошедшей эпохи, ее психологию. Как писал Токвиль, исследовавший французскую революцию шесть десятилетий спустя после ее начала, «мы теперь находимся на той именно точке, с которой можно наилучшим образом видеть этот важный предмет и судить о нем. Мы достаточно удалены от Революции, чтобы лишь в слабой степени ощущать те страсти, которые волновали жизнь людей, участвовавших в ней, но мы

еще настолько близки к ней, что можем представить себе и понять породивший ее дух. Скоро уже будет трудно сделать это» 1).

Согласно логике нашей концепции, годы революции да и последующий период были временем исторической жатвы плодов, посеянных и выращенных раньше, отрезком времени, когда кризисная ситуация лишь проявила в предельно обостренной, концентрированной форме те общие социально-этические и психологические стереотипы, которые складывались и развивались в течение десятилетий, а по некоторым важнейшим параметрам - и столетий. Иными словами, в революции традиционный системоцентризм, совершив головокружительный кульбит, еще тверже стал на ноги. Изложение же событийной стороны не входит в нашу задачу. Поэтому **последующие страницы будут посвящены преимущественно среднему «этажу» анализа - попытке аналитического вычленения и описания конкретных этических, психологических и как производное от них - политических факторов и механизмов**, которые направляли ход событий.

Рассмотрим вначале социально-этическую подоплеку событий.

Первым из факторов социально-этического порядка, подталкивавших движение событий в роковом направлении, назовем **аномию**, т.е. **моральный кризис** народного сознания. Напомним, что характерный для аномии нравственный вакуум возникает, когда одна система нравственных норм по тем или иным причинам перестает выполнять роль регулятора реального поведения людей, а новая система не успевает прийти ей на смену.

В среде простого народа аномия зашла наиболее далеко. (И характер нашей революции - лучшее тому доказательство.) Здесь ее деструктивность проявилась в двух формах: во-первых, в разрушении норм общинной этики, и во-вторых, в окончательном выхолащивании христианского духа из норм православной морали, от которой к моменту революции для абсолютного большинства населения страны, по существу, сохранилась лишь ритуальная оболочка, готовая лопнуть при первом порыве социального ветра. В революции это и случилось, и обнаружилась религиозная пустота. Роковым образом сказалось то

обстоятельство, что православная церковь, при всем ее благолепии и внешне бесспорном влиянии на души паствы, не выполняла одно из важнейших и древнейших предназначений христианства - «роли **совести** общественного организма» 2). К несчастью, к рассматриваемому моменту от сути христианских принципов в массовом сознании сохранилось столь мало, что оставшееся практически не повлияло даже на внешний облик событий, ни в коей мере не смогло хотя бы смягчить разгул жестоких страстей.

В среде людей, обладавших в предреволюционной России светской властью, аномия выразилась иначе - в утрате этики «рачительного хозяина» страны. Это проявилось во многом - и в отчуждении компетенции от системы власти, и в непоследовательности политического курса, импульсивности принятия важнейших решений, и в шовинистической национальной политике, и в откладывании в «долгий ящик» давно назревших социальных и политических проблем, и в господстве ориентации на получение сиюминутных конъюнктурных выгод в ущерб долговременным интересам страны, и, наконец, в беспрецедентной для нового времени иррационализации мотивов поведения высших носителей власти.

Что касается интеллигенции, то в среде представителей системоцентристского и персоноцентристского ее направлений аномия проявлялась по-разному. У интеллигентов-системоцентристов, вырвавших в 1917 г. власть из ослабевших рук предыдущих ее обладателей, она вылилась в торжество разрушительной этики вседозволенности, позволяющей отключать системы обычных нравственных регуляторов человеческих взаимоотношений в случаях, когда речь заходит о деятельности во имя достижения умозрительного идеала будущей утопии. В несколько ином контексте мы уже отмечали, что подобный **переход от идеи всеобщего благоденствия к возводимой в принцип аморальности**, к игнорированию интересов и судеб конкретных, лишь однажды живущих на земле людей **объясняется крайней неразвитостью индивидуалистических начал в российском национальном генотипе.**

У интеллигентов-персоноцентристов аномия проявилась в том, что господствующим умонастроением в их среде стал почти эсхатологический социальный пессимизм, для обозначения которого очень подходит швейцеровское понятие «этика жизнеотрицания». Глубокий аналитик трагедии эпохи Н. А. Бердяев даже рассматривал это явление как естественную здоровую реакцию на революционный «оптимизм» радикалов: «Настало время здорового социального пессимизма, более благородного, более сложного и утонченного, чем оптимизм тупых социальных фанатиков... Стремление к отвлеченному социальному совершенству есть нечестивое, безбожное стремление. Попыты осуществления земного рая всегда вели к аду на земле, к злобе, к ненависти, взаимному истреблению, к крови, к насилию, к оргии» 3).

Для художественной культуры эпохи подобное возвышенно-пессимистическое настроение сумеречного часа оказалось чрезвычайно плодотворным. Но в более широком плане оно сослужило плохую службу, поскольку воспитало в интеллигентских кругах чистоплюйскую этику самоустранения от «грязи» политической кухни. Это самоустранение лучшей части персоноцентристской интеллигенции из сферы политики дорого обошлось стране. Конечно, оно не было тотальным и некоторая часть интеллигентов-персоноцентристов первых десятилетий XX в. все-таки избрала политическое поприще. Но люди, пошедшие по этому пути, отнюдь не принадлежали к числу лучших представителей своего сословия. Как правило, они были либо беспринципными и к тому же недалёковидными политиками типа Гучкова и Родзянко, либо прекраснодушными и бесхребетными идеалистами наподобие абсолютного большинства деятелей Временного правительства. В результате на политическом ристалище России в этот период, впрочем, как и в другие критические моменты нашей истории, не нашлось достойной фигуры сильного либерала и человека, в котором демократические убеждения сочетались бы с практической хваткой и крепкими кулаками. Принявший эту роль на себя А.Ф. Керенский, увы, оказался не на ее уровне. В итоге либеральные «слабаки» у государственного штурвала лишь ускорили наступление кульминации

трагедии, создав большевикам выгодный политический фон для сравнения, поскольку «страна, привыкшая к нерешительности в политике и неэффективности в управлении, оказалась под властью людей, производивших впечатление, что они знают, чего хотят и как этого достичь» 4).

В качестве второго из социально-этических факторов назовем активизацию такой фундаментальной традиции российского генотипа, как **псевдоколлективистская этика**. Тот же Бердяев назвал этот синдром «безответственным коллективизмом», описав его следующим образом: «Болезнь русского нравственного сознания я вижу прежде всего в отрицании личной нравственной ответственности и личной нравственной дисциплины, в слабом развитии чувства долга и чувства чести, в отсутствии сознания нравственной ценности подбора личных качеств. Русский человек не чувствует себя в достаточной степени нравственно вменяемым, и он мало почитает качества в личности. Это связано с тем, что личность чувствует себя погруженной в коллектив, личность недостаточно еще раскрыта и сознана... Русский человек не чувствует неразрывной связи между правами и обязанностями, у него затемнено и сознание прав, и сознание обязанностей, он утопает в безответственном коллективизме...» 5) Этот стержень пронизывает всю русскую историю. На него легко нанизываются и крестьянская община, и русская армейская традиция «не бояться потерь», и казацкая «вольница», и разбойничья ватага, и революционная масса, и муравейник «развитого социалистического» общества... (Для меня это постоянство стереотипов и преемственность различных их форм олицетворяла, в частности, московская улица, соединявшая два центра политической власти: извечный и новый, большевистский - Кремль и здание ЦК партии; она была символически названа в честь знаменитого казацко-разбойничьего атамана XVII в. Степана Разина.) Псевдоколлективизм задавал тон не только в массовом сознании. В него вполне вписываются и такие формы «просвещенной» идеологии, как славянофильство, толстовская апологетика «природного коллективизма», отрицающего ценность отдельной индивидуальности, и учение революционных радикалов - «грубый казарменный коммунизм

... ориентированный на явно добуржуазные формы, восстанавливающие азиатский способ производства» б). И эта порой отступавшая в тень, но никогда не угасавшая мораль со всей своей страшной, бесчеловечной силой напомнила о себе в момент революционного взрыва.

В качестве третьего социально-этического фактора назовем развивавшийся параллельно с аномией и тесно с ней связанный **воинствующий моральный релятивизм**, ведущим принципом которого стало: «революционная целесообразность превыше всего, не исключая и обычных норм человеческой морали». И этот принцип под именем революционной морали (впрочем, если исходить из сути данного принципа, то его точнее было бы называть революционным имморализмом) был откровенно провозглашен русскими революционерами. Подтверждения тому в изобилии рассыпаны по страницам их политических писаний. Принцип этот не был изобретением эпохи. В России, как вы помните, соответствующий моральный тип появился еще в 60-е годы XIX в. и даже попал в большую литературу, будучи отображен во всем своем неприкрытом цинизме Достоевским в «Бесах». В Европе он заявил о себе и того раньше - во времена Французской революции. Там он воплотился прежде всего в фигуре якобинца. Вспомните тэновскую реконструкцию психологии якобинца: «Против изменников все дозволено и похвально. Якобинец, канонизировав свои убийства, убивает из «любви к ближнему».

Естественно, подобный воинствующий аморализм нуждается хоть в каком-то оправдании. Существуют две разновидности оправданий революционной аморальности: первой индульгенцией служит «величие целей», во имя достижения которых, дескать, все допустимо; второй - ссылки на величие, цельность, бескомпромиссность личности революционера - кристального человека, целиком лишённого своекорыстных мотивов, с «горячим сердцем, холодной головой, чистыми руками». Думается, что убедительность первого рода оправданий уже безвозвратно подорвана евангельски простой, но почему-то долго не доходившей до сознания людей мыслью, что высокая цель не может достигаться при помощи низких средств. Что же касается оправданий второго рода, то практика русской революции со

всей убедительностью свидетельствует: отнюдь не бескорыстные фанатики большевистской веры определяли облик событий. Как и должно было случиться, идеологическое оправдание аморальности оказалось идеальным коньком для людей с ярко выраженной преступной психологией, прекрасно приспособивших свои асоциальные установки к фразеологии «революционной морали».

Впервые этого рода «мораль» была обнаженно сформулирована не в России и даже не Марксом, который, кстати, был не совсем свободен от таких «буржуазных предрассудков», как честь, совесть, гуманность. Это случилось раньше, в революционной Франции. Лионская «Инструкция Конвента» - радикальнейший документ, направленный на разжигание классовых страстей, против собственности, против духовенства, против законов, прямо призывавший к массовому террору, - открывалась словами: «Все позволено тем, кто действует в духе революции. Для республиканца нет опасности, кроме опасности плестись в хвосте законов республики». И написал их не фанатичный Марат, не «неподкупный» Робеспьер, а человек, имя которого уже почти два века является символом политической беспринципности, доведенного до высокого артистизма приспособленчества, человек, ухитрившийся оставаться на гребне власти при четырех сменявших друг друга политических режимах, - Жозеф Фуше! Может ли что-нибудь красноречивее говорить о социальной базе «революционной морали», чем личность автора ее первого манифеста!

Впрочем, по части оправдания аморализма у нас нет недостатка и в собственных, «почвенных» корнях. Не случайно Бердяев вслед за Достоевским увидел в основе идеологии русской революции не что иное, как отрицание чести, возведенное в принцип право на бесчестье, иными словами, доведенное до крайних пределов традиционное российское неуважение к человеческой личности.

Итоговой характеристикой революционных событий при проекции их на социально-этическую шкалу стала **победа старого этического типа - системоцентризма, но в новой, более динамичной его форме**. Он «омолодился» в духе времени за счет замены консервативных одежд,

вывесок и знамен на радикальные, но сущность его осталась прежней. Изменилась политическая система (и та не во всем кардинально - скажем, политические режимы России до революции и после даже по внешним формам и атрибутам во многом сохранили преемственность), но не общественная этика.

Перейдем теперь к социально-психологическим детерминантам событий. Прежде всего следует оговориться, что в данном отношении на различных этапах развития исторической ситуации, т. е. в период кризиса и послекризисный период, действуют разные закономерности. Поэтому рассмотрим их в отдельности.

Вначале о социально-психологических механизмах, влияющих на поведение людей на этапе кризиса.

Во-первых, в предреволюционные годы резко активизировалась, а к 17-му году достигла апогея извечная деструктивная традиция группового антагонизма общностей, в обыденном сознании фигурирующих как «мы» и «они», в ее классовой редакции. Этому способствовали и объективные обстоятельства (изменения в экономическом укладе и, соответственно, перемены в относительном статусе разных классов и социальных слоев, война), и бездарная политика правительства, действия которого будто специально преследовали цель восстановить друг против друга различные группы населения, и, конечно, деятельность радикалов, сознательно и целенаправленно разжигавших классовую ненависть. Призывы социалистов к бескомпромиссной классовой борьбе, вся их «подземная» нелегальная работа имели ярко выраженную разрушительную, деструктивную направленность. Они недвусмысленно натравливали крестьян на помещиков, пролетариев - на «буржуев», тех и других вместе - на власть как институт и на отдельных ее представителей. Тем самым ослаблялись связи, скреплявшие общество в более или менее единое целое и придававшие ему устойчивость. Сбывались худшие предсказания либералов-«шестидесятников» об угрозе «реакции снизу», возникающей как результат политики радикалов. Посредством натравливания массы на власть, а неимущих на имущих заглушаются

стереотипы покорности и развязываются низменные, варварские инстинкты. Но вряд ли эти либералы, воспитание которых еще во многом зиждилось на прекраснородушных руссоистских представлениях об «изначально доброй» сущности человека, могли даже в самых мрачных видениях представить себе, до какого чудовищного обезчеловечения может довести людей вульгарно-материалистическая пропаганда, соединенная с идеей безусловного приоритета классового интереса: «Материалистическое понимание истории» превратилось в грубейшее материалистическое понимание жизни. Все высшие проявления человеческого духа - совесть, честь, потребность в истине, правде и т. д. - исчезли под напором самых элементарных похотей тела. «Экономика» теории превратилась на практике в кошмарный разгул ничем не сдерживаемых звериных инстинктов, в оргию убийств, издевательств и грабежей» 7).

Во-вторых, **в результате войны**, ставшей мощнейшим катализатором революционного брожения, **в народной массе значительно активизировался психологический синдром революционного социального невротизма**. Суть его в том, что поведение массы начинает характеризоваться повышенной возбудимостью, неуравновешенностью, агрессивностью, безответственностью и даже иррациональностью. Привычные социальные связи разрушаются, обычные регуляторы поведения - право, мораль, другие стабилизирующие факторы - в такие периоды словно отключаются. Лишившись всех этих привычных, сдерживающих и направляющих механизмов, люди начинают повиноваться случайным импульсам и жестоким инстинктам, сохранившимся, видимо, еще с первобытных времен. Революционный невротизм проявляется в различных формах массового поведения - во всякого рода сборищах с явно преобладающей иррациональной либо преступно-безответственной направленностью, в почти полном прекращении нормальной трудовой деятельности, в повышенной восприимчивости ко всякого рода слухам, в кровопролитных столкновениях представителей различных групп населения, грабежах, всякого рода актах насилия, жертвами которых порой оказываются

совершенно случайные люди. Дух крайней жестокости, воинствующей безжалостности по отношению к себе подобным, проявляющийся как на групповом, так и на индивидуальном уровне, становится одним из доминирующих факторов жизни.

Э. Фрейд считал, что в определенные периоды культурные сообщества и даже целые цивилизации впадают в состояние социальной патологии. Революционный невроз - одно из таких патологических состояний общества. Весьма близки к нему по своей природе описанные Э. Фроммом на примере фашистских режимов садистско-мазохистский комплекс и синдром социального некрофильства. Таким образом, движущей силой революции оказались отнюдь не идеалисты и даже не идейные фанатики, а упоенный ощущением полной безнаказанности и распляемый «ревом племени» антропофаг. Словом, на поверхность социальной жизни выдвинулся психологический тип Передонова.

В самом безобидном, бескровном своем варианте некрофильские устремления революционного народа проявлялись в передоновском желании испакостить, сломать, уничтожить все прекрасное, в первую очередь атрибуты «старой» культуры. В частности, это делалось посредством в буквальном смысле загаживания «барских» домов. Видимо, подобная форма выражения социального презрения казалась российским санкюлотам наиболее простой и наглядной. Вот как описал в мемуарах мой отец, В.Н. Оболонский, состояние дома после посещения его солдатами революционной армии в марте 1918 г. (к счастью для хозяев, в их отсутствие). Ему было тогда 13 лет, но такие вещи запоминаются на всю жизнь: «Квартира была полностью разгромлена. Шкафы были выворочены, диваны вспороты, картины сорваны, зеркала и посуда разбиты. Бутылок 10-15 испанской мадеры выпиты, и бутылки разбиты. Но тогда меня поразила не столько эта картина разгрома, как совершенно невероятный сильный тошнотворный запах, стоявший в квартире. Это была смесь сильного запаха духов, разбитые флаконы которых валялись рядом с исковерканным трюмо комнаты сестры, махорочного дыма, мадеры и человеческих испражнений. Последние находились не где-либо по углам, а возвышались кучей на верхней крышке рояля. Видимо, этим было

выражено презрение к буржуазной культуре, к буржуазному быту». А вот что пишет «первый пролетарский писатель» М. Горький в своем хрестоматийном очерке «В.И. Ленин»: «Мне отвратительно-памятен такой факт: в 19-ом году, в Петербурге, был съезд «деревенской бедноты». Из северных губерний России явилось несколько тысяч крестьян, и сотни их были помещены в Зимнем Дворце Романовых. Когда съезд кончился и эти люди уехали, то оказалось, что они не только все ванны дворца, но и огромное количество ценнейших северских, саксонских и восточных ваз загадили, употребляя их в качестве ночных горшков. Это было сделано не по силе нужды, - уборные дворца оказались в порядке, водопровод действовал. Нет, это хулиганство было выражением желания испортить, опорочить красивые вещи. За время двух революций и войны я сотни раз наблюдал это темное, мстительное стремление людей ломать, искажать, осмеивать, порочить прекрасное»8).

По ходу развития революции этот дух невротической деморализации общества нарастал, распространялся, превращаясь в господствующий. А. А. Минин, одним из первых предпринявший попытку описать поведение революционной массы с социально-психологической точки зрения, прослеживает и периодизирует эту динамику 9). Мирный характер начального периода революции (по май 1917 г. включительно) он объясняет психологической инертностью массы, еще не осознавшей смысла происшедшего. Но постепенно психология массы раскачалась, она пришла в возбуждение. В то же время распался существовавший в течение веков фундамент интеграции общества, и начался второй период (лето 1917 г.). Для него характерно настроение страстного нетерпения, стремление немедленно получить все возможное и невозможное 10). Одновременно происходит демистификация, демифологизация власти, потому что масса сама была участником или по меньшей мере свидетелем низвержения одной власти и формирования другой, которая к тому же постоянно словом и делом всячески демонстрировала свою зависимость от народа. В результате взаимного наложения двух названных факторов стихия постепенно разгуливается: начинаются массовый захват и растрата материальных

ценностей, другие антиобщественные действия. Власть, как любое ответственное за поддержание порядка начало, естественно, пытается воспрепятствовать этим деструктивным процессам, но безуспешно. Не получая никакой общественной поддержки, она постепенно оказывается в изоляции и разрушается. Третий этап (начавшийся ранней осенью 17-го года) отмечен полным торжеством асоциальности; стихия разрушения становится доминантой массовой психологии, массового поведения.

В-третьих, поскольку в данных условиях определять психологический дух времени стали специфические психологические закономерности, характерные только для кризисных периодов, **на историческую авансцену выдвинулись особые, иные, чем прежде, типы людей.** Для фактических и потенциальных лидеров любого уровня это означало **торжество типа якобинца** - фанатичного доктринера, лишённого каких-либо моральных запретов и при этом в высшей степени владеющего искусством «оседлать толпу» посредством активизации, а затем подталкивания в определенную сторону ее разрушительных инстинктов; для массы же это означало **торжество бунтовских начал, разгул низменных страстей и инстинктов.**

Почти все веховцы главную вину за разнуздание народной стихии возлагают на социалистическую интеллигенцию: «Нас погубило именно разнуздание этих страстей через прививку идейного яда - социализма, искусственное накаление их до степени фанатической исступленности и одержимости и искусственная морально-правовая атмосфера, дававшая им свободу и безнаказанность. Неприкрытое, голое зло грубых вожделений..» 11) «Она (интеллигенция. - А. О.) могла в темные, невежественные массы бросить лозунги, которые способны были уничтожить даже то, что там еще оставалось, разнуздать самые низменные инстинкты и привести к разрушению самых последних, самых элементарных основ общежития. И она это сделала» 12). «Ему (народу. - А. О.) впрыскивали все новые и новые дозы яда: то отдельные лица, то целые категории их объявлялись «врагами народа» и «вне закона», что означало, конечно, прямое приглашение к новым убийствам и самосудам» 13). Лишь Бердяев поднялся над уровнем огульных

политических обвинений в адрес целой социальной группы и посмотрел на проблему с другой стороны: он заметил, что то «нечеловеческое хамство», которое проявляло себя при царях и, многократно увеличенное, проявилось в революции, не порождение социальных и политических обстоятельств, а их причина 14).

Наши представления о причинно-следственных связях в значительной мере совпадают с бердяевским взглядом на проблему. Думается, что многие из самых страшных жестокостей и преступлений русской революции и уж во всяком случае масштабы злодеяний на самом деле не столько детерминировались социальной ситуацией и политическими мотивами, сколько раскрывали в благоприятных условиях присущие национальному генотипу черты. Именно он, этот генотип, определил грабительско-истребительный характер нашей революции. От чувств ужаса и неприязни по отношению к главному субъекту революции - русскому народу - не могли отделаться даже те из интеллигентов, которые в целом ее приняли. «Смотреть на них было томительно и жутко, - на тех, которыми и именем которых творится революция» 15).

М. Горький в самых мрачных тонах передает дух тупой мстительной злобы, царившей среди толпы слонявшихся и митинговавших на улицах революционного Петрограда: «Страшен обиженный человек, когда он чувствует свое право мстить и получил свободу мести. Вот бы об этом человеке прежде всего надо подумать социальным реформаторам и политическим вождям» 16).

Конечно, не одна русская революция отмечена печатью зверств. Их хватало и во Франции, и в Испании (вспомним хотя бы хемингуэевский «По ком звонит колокол»), не говоря уже о латиноамериканских и азиатских революциях. Ведь описываемые нами механизмы, управляющие общественной психологией и моралью, в моменты социальных кризисов в основе своей имеют, по-видимому, более или менее универсальный характер. Однако значение национальной специфики также очень велико. Поэтому представляется, что массовое участие красногвардейцев в грабежах и кровавом мародерстве обусловлено не в последнюю очередь и специфическими русскими особенностями.

Вот что рассказывает в своих уже цитировавшихся нами воспоминаниях о «технике» массовых расстрелов офицеров и интеллигенции в Киеве весной 1918 г. мой отец: «Кем и как производилась казнь? Постоянных профессиональных палачей не было. Им мог быть любой солдат, например тот, который привел офицера из города, или любой другой из числа тех, которые постоянно толпились перед зданием дворца. Эта толпа - несколько сот солдат - расположилась перед главным входом. Солдаты сидели или лежали на газоне, курили или переговаривались между собой. Когда из главного входа выводили очередную жертву, всегда из толпы солдат выходили 2-3 человека-добровольца и присоединялись к конвойному, ведущему офицера на казнь. Перед расстрелом заставляли снимать сапоги и раздеваться до белья, чтобы не портить вещей, переходивших в руки палачей. Вот внешний облик одного из солдат революционной армии, поразивший меня тогда и потому хорошо запомнившийся. Высокий детина крестьянского типа. Лицо, заросшее бородой и усами, выражения которого определить невозможно (безликое). На голове измятая папаха. Шинель, подпоясанная ремнем. На ногах хорошие офицерские сапоги. За поясной ремень в том месте, где положено крепить патронташ, заткнуты две пары офицерских сапог, голенища которых свисают по животу слева и справа. За плечами брезентовый мешок, туго набитый вещами. Одного взгляда на такого «бойца» достаточно, чтобы быть уверенным, что им убиты, по крайней мере, три офицера. В таком виде он предстал перед своими командирами и комиссарами, в таком виде он становился в строй... Сказать по правде, не все были такими. Были и поскромнее, с одной, скажем, парой сапог за поясом».

Обратили внимание? **Постоянных палачей не было.** Любой солдат брался за это прибыльное дело. Вот какой была массовая база нового режима, вот как выглядел до предела обнаженный механизм использования низменных инстинктов, грубого стремления к наживе, а также кровавой круговой поруки, которая и самом начале, и в дальнейшем выполняла у большевиков роль одного из важных интегрирующих факторов.

Большевизм точно оценил и проэксплуатировал худшие черты народной массы. Дав моральную санкцию на разгул «иррациональной в целом стихии нетерпения и недовольства, разрушения и захвата» 17), умело подталкивая ее в нужном направлении, он затем овладел ею и постарался использовать в своих целях. Изложенные обстоятельства вынесли на гребень революционных событий соответствующие психологические типы и определили господство рассмотренных социально-психологических механизмов.

Перейдем теперь к рассмотрению социально-психологических закономерностей и стереотипов поведения, выступивших на первый план **на заключительном этапе революции, когда массовое возбуждение улеглось и стихия кризиса стала выдыхаться.**

Здесь прежде всего полным голосом заявила о себе отнюдь не утраченная и даже всерьез не поколебленная **российская авторитарная традиция**, т. е. вошедшая в плоть и кровь народа привычка нерассуждающего подчинения сильной, деспотической, не связывающей себя с общественным мнением власти. Как говорил один горьковский персонаж, русскому народу «нужно не многовластие, не аглицкий парламент, он механику, машину не любит, он тайну любит. Нужна ему власть великой единицы, хотя бы эта единица была круглым нулем, он сам наполнит нуль силой воображения своего» 18). Кратковременный период революционного невроза, когда веками накапливавшийся социальный пар породил мощнейшую вспышку анархического нигилизма по отношению к любой власти, закончился поисками нового ярма, благо оно уже было наготове. Сверхзадача большевиков состояла совсем в другом - не разрушить власть, а захватить ее. Поэтому как только разрушительная стихия стала сходить на нет, они быстрыми, энергичными действиями впрягли народ в свою собственную колесницу. Жесткие способы действия большевиков пробудили в народе воспоминания о твердой руке прежних хозяев и старая психологическая инерция подчинения силе вновь взяла верх. Поскольку основы системоцентристского генотипа в революции затронуты не были, то при изменении ситуации крайняя

революционность легко перешла в свою якобы противоположность (а на деле - в собственное alter ego) - в крайнее охранительство. Не следует к тому же забывать, что в русло безоговорочного подчинения народ подталкивала невиданная до тех пор по масштабам действий машина подавления всякой оппозиции и идеологической обработки, о которой более подробно мы еще поговорим.

Во-вторых, **в послекризисный период сработал механизм психологической усталости.** Как показывают многочисленные исторические примеры, целое поколение не может прожить жизнь в состоянии революционного возбуждения, в ситуации кризиса и сопровождающей его нестабильности. Довольно быстро появляются признаки утомления, стремления к успокоению и стабилизации положения. За обретение покоя прошедший через пик революции народ готов платить дорогую цену. Еще недавно не признававший даже минимальных, самых необходимых ограничений своей свободы «сверху», он теперь согласен принять правление самого жестокого деспотизма, лишь бы тот возродил порядок и хотя бы внешне был бы не похож на предшествовавший революции строй. Вспомните, например, послереволюционную Францию, с которой Наполеон в течение почти двух десятилетий делал все, что заблагорассудится, а затем почти полную политическую апатию периода Реставрации. (Кстати, подобная смена всеобщего возбуждения общественной апатией наблюдается не только после социальных революций, но и после завершения победой национально-освободительных движений.) В России же усмирить и без того готовую подчиниться стихию было тем более несложно, поскольку это вполне соответствовало крестьянской традиции покаянно бухаться в ноги начальству сразу вслед за разгулом «бессмысленного и беспощадного» бунта.

В-третьих, в послекризисный период на полную мощность начинают работать механизмы суггестии и контр-контрсуггестии (внушения и психологического подавления сопротивления ему). И здесь мы вновь должны воздать по справедливости способностям большевиков к социальному манипулированию, их пониманию колоссального значения

пропаганды и агитации. О конкретных формах этого манипулирования массовой психологией мы будем говорить при рассмотрении вопроса о **политических рычагах революции**, к которому сейчас и переходим.

Как вы помните, события в политической сфере деятельности мы рассматриваем как производные от социально-этических, социально-психологических и экономических факторов, а в данной работе исследуются лишь две первые группы факторов. Это обусловлено спецификой нашего подхода к социальной истории, изложенного в первой части работы, а также необходимостью хоть в какой-то мере сбалансировать существующий крен в сторону объяснения истории главным образом экономическими причинами.

Нам представляется, что названные выше социально-этические и социально-психологические факторы оказали решающее воздействие и на перерождение русской армии (которая из опоры режима превратилась в главную силу революции, а вышедший из повиновения «человек с ружьем» сделался полупрофессиональным политиком-экстремистом, «бродильным грибком революции» 19), и на развитие общественной смуты в целом, и на поэтапную, но по темпу невероятно быструю либерализацию, а затем радикализацию системы государственной власти.

Как и при анализе других исторических периодов, мы почти не затрагиваем событийную сторону революции. Помимо общих концептуальных соображений в данном случае это оправдано еще и тем, что как раз фабула революции известна более всего остального. Хотелось бы лишь обратить внимание на один момент, поскольку в политической истории России он повторяется постоянно. Я имею в виду доходящую почти до неправдоподобия **слабость либеральных политиков**.

Многих деятелей Временного правительства нельзя упрекнуть ни в недостаточной прогрессивности их политических взглядов, ни в отсутствии благородных устремлений и намерений воплотить свои взгляды в жизнь. История предъявляет им счет за другое - за политическую некомпетентность, нерешительность и даже

инфантильность, за отсутствие необходимого политическому бойцовского духа, за полное нежелание и неумение бороться, за равносильную безответственности и даже беспринципности готовность самоустраниться из борьбы в самый решительный ее момент. Проявивший больше стойкости, чем другие, Керенский при всей его энергии также не удержался на уровне принятой им на себя роли: кумир и трибун периода «раскачивания» революции, он проявил абсолютную беспомощность перед лицом разыгравшейся стихии. Правда, в оправдание ему следует сказать, что использовать ее в своих целях, а затем укротить смогли лишь полностью лишенные какой-либо политической щепетильности люди.

Однако могло ли, в сущности, сложиться иначе? Ведь, как мы помним, из числа интеллигентов-персоноцентристов в политику шли далеко не самые лучшие, не самые одаренные люди. «Сливки» интеллигенции растекались по другим, более «чистым» сферам деятельности. Сказалось вообще *свойственное российской интеллигенции некоторое чистоплюйство*, которое, впрочем, в данном случае имело под собой основания: при деспотическом режиме политика действительно была делом грязным, требовавшим от посвятивших себя ей людей в первую голову умения «прислуживать», интриговать, беспринципности и прочих столь же противных и чуждых интеллигентскому моральному кодексу качеств. Но в результате в критический момент в лагере политиков-либералов не оказалось людей, способных предотвратить катастрофу или хотя бы уменьшить ее масштабы. Поэтому проявленную кадетами и другими умеренными политическими элементами неспособность адекватно действовать в трудных обстоятельствах можно рассматривать и как их вину, и как нашу общую историческую беду.

Обратимся теперь к анализу конкретных политических механизмов, посредством которых радикалы, в первую очередь большевики, сначала «оседлали» стихию народного мятежа, направив ее в нужное им русло и поставив на службу собственным политическим целям, а затем обуздали ее. Еще раз напомним, что мы ставим перед собой задачу не изложения или освещения исторических событий, а их объяснения с точки зрения

нашей концепции философии истории. В частности, я не вижу особого смысла включаться в дискуссию о числе жертв большевизма и «оправданности» тех или иных гекатомб. Хотя далеко не все материалы чекистских и партийных архивов открыты, основные элементы панорамы событий достаточно ясны. Разумеется, многое еще необходимо уточнить. Но принципиально возражать против террористической сущности большевистского режима сейчас, по-моему, могут лишь те, кого не убедят никакие цифры, никакие факты. Ведь есть же до сих пор на Западе люди, отрицающие, например, что нацисты осуществляли геноцид против «расово неполноценных» народов. Спорить с ними столь же бессмысленно, как, скажем, с членами «общества плоской Земли» (такое общество действительно существует в Англии, объединяя людей, которые не признают шарообразность нашей планеты.) 20)

1. Демагогическая спекуляция радикалов на реальных трудностях и проблемах. Мы видели, что назревшие социальные проблемы десятилетиями не решались, а отодвигались или попросту игнорировались. Поэтому год от года общее положение все более накалялось, необходимость изменений и явное нежелание властей их осуществлять становились все более очевидными для все большего числа людей. В результате критика режима стала безотказным и весьма эффективным инструментом.

Успех деятельности агитаторов облегчался крайней политической неопытностью населения страны, неразвитостью не только социального, но даже более узкого, классового сознания. Психология массы доросла лишь до уровня примитивного узкогруппового эгоизма и элементарного «захватного права». «В обстановке все растущего хозяйственного распада каждая отдельная группа рабочих или крестьян старалась использовать до конца свое фактическое господство в пределах отдельного предприятия или помещичьего хозяйства. Под угрозой забастовки в общественно необходимых отраслях хозяйства, захвата фабрики, завода, земли предъявлялись безумно высокие требования, которые не могло выдержать ни предприятие, ни государство. Не было никаких средств убедить рабочих и крестьян в гибельности этих

требований» 21). И на этом примитивном уровне сознания паразитировала большевистская идеология, подыгравшая стремлению почуявшего возможность безнаказанно грабить народа «все поделить»: «Выдвинутая большевиками идея перераспределения благ в массах толковалась сплошь и рядом как непосредственный раздел, как прямой доступ к лучшей жизни. Идеи «хлеб и мир» воспринимались в их самом натуральном и непосредственном смысле. На сцену выдвинулись наиболее отсталые элементы общества» 22).

Обстановка неудачной войны способствовала растущей социальной безответственности. По мере нарастания революционного процесса любая готовность к поискам компромисса, к мирной договоренности объявлялась соглашательством и предавалась анафеме. Накануне октябрьского переворота политическое манипулирование безответственными лозунгами и невыполнимыми обещаниями достигло апогея.

2. Использование новых символов веры. В России использование идеологии в качестве вспомогательного инструмента политической власти имело к моменту революции по меньшей мере 250-летнюю традицию (считая от церковного Собора 1666 г., послушно проклявшего ультраконсерваторов-старообрядцев за их сопротивление высочайше одобренным нововведениям). Поэтому предельная идеологизация большевиками своей программы полностью соответствовала обыкновениям политической борьбы на российский манер. Новшество заключалось лишь в смене идеологического оружия - доктрины. Место целиком привязавшего себя к царизму и вместе с ним дискредитировавшего себя православия заняла новая религия - марксизм в его большевистской версии. Новым символом веры русского народа стал коммунизм. Не будем отвлекаться на разбор вопроса о весьма проблематичной адекватности русского прочтения марксизма. Нам важен факт: в нашем, «восточном Карфагене» роль кровожадного божества Молоха сыграл именно марксизм. Научные абстракции Маркса, фикции классовой психологии овладели умами неграмотных и, что еще страшнее, полуграмотных миллионов, вернее, даже не умами, а их эмоциями, чувствами. По злой иронии судьбы эти

абстракции, которым их создатели отводили роль краеугольных камней в фундаменте новой, сугубо светской науки об обществе, оказались вполне пригодными для роли религиозных символов.

Н.А. Бердяев, глубоко чувствовавший подлинный дух революции, рассматривал социализм именно как лжерелигию: «Революционный социализм не есть экономическое и политическое учение, не есть система социальных реформ, он претендует быть религией, он есть вера, противоположная вере христианской... Религия социализма принимает соблазн превращения камней в хлеб, соблазн социального чуда, соблазн царства этого мира» 23) «В России образовался особенный культ революционной святости. Культ этот имеет своих святых, свое священное предание, свои догматы. И долгое время всякое сомнение в этом священном предании, всякая критика этих догматов, всякое непочтительное отношение к этим святым вело к отлучению...»24) Религиозный характер советского официального марксизма вряд ли нужно особо доказывать моим соотечественникам. А в революцию и долгое время после нее самым красноречивым тому подтверждением служило ни на миг не затухавшее зарево мириадом инквизиционных костров этой новой религии.

3. Возведенный в принцип имморализм. Теория и практика большевизма - многочисленные высказывания на эту тему Ленина и других большевистских идеологов, реальная политика большевистской партии - со всей определенностью свидетельствуют о том, что каких-либо моральных запретов, каких-либо нравственных табу для большевиков не существовало. Нравственным объявлялось все, что способствовало делу революции. А поскольку большевики отождествляли себя с революцией, то, стало быть, нравственным становилось все, что шло им на пользу.

При нужде они могли, например, легко присвоить программные положения своих оппонентов (как случилось с эсеровским положением о социализации земли) либо отказаться от собственных лозунгов (вспомним хотя бы манипуляции с то выдвигаемым, то снимаемым с повестки дня лозунгом «Вся власть Советам!»). Множество громких слов было сказано большевиками относительно высшего авторитета и

священности воли народа, если она выражена в ходе справедливых, т. е. всеобщих, прямых, равных выборов при тайном голосовании. Однако как только результаты голосования оказывались не в пользу большевиков, они с легкостью забывали обо всем этом и начинали рассуждать с прямо противоположных позиций. Наиболее известна история с блокированием заседаний, а затем с прямым разгоном Учредительного собрания, которое всеми партиями признавалось в качестве высшего выразителя народной воли, призванного решить вопрос о будущем общественном и государственном устройстве России. Главной и, по сути, единственной целью большевистских радикалов были захват и последующая монополизация политической власти. Ради нее они были готовы пролить море крови, ввергнуть всю страну в беспрецедентные для нового времени лишения, пойти на уничтожение лучшей части нации, солидаризироваться с откровенно преступными элементами.

О том, что политическая теория была для большевиков лишь инструментом борьбы за власть, свидетельствует, например, почитаемая романтиками за образец «подлинного» ленинизма работа «Государство и революция». Ее пафос состоит в необходимости разрушения государства как безусловно реакционного общественного образования, что, дескать, могут обеспечить лишь большевики. «Только мы, завоевав власть, сможем заставить государство отмереть» - вот квинтэссенция смысла работы. Думаю, нам после 70 лет господства государства большевиков не нужно много говорить, чтобы понять подлинную цену и назначение подобных разглагольствований. Это был чисто конъюнктурный политический трюк с целью вырвать власть у Временного правительства.

Зато когда доктрина помогала удержать и укрепить власть, за нее цеплялись вопреки очевидности, здравому смыслу, вопреки тем страданиям, которые она причиняла миллионам людей. Свидетельство тому - преступное упорство большевиков в осуществлении экономически нелепой, а политически безответственной доктрины «военного коммунизма», вследствие чего производство и распределение предметов первой необходимости было полностью парализовано и вся

страна оказалась на краю голодной смерти, о чем писал В.Г. Короленко Луначарскому осенью 1920 г.

Однако подобная катастрофическая ситуация в течение целых трех лет не слишком угнетала совесть «борцов за народное счастье». Более того, когда в 1921 г. голод в России достиг апогея и стал косить людей десятками тысяч, группа общественных деятелей небольшевистских взглядов образовала Всероссийский комитет помощи голодающим - организацию с явно неполитическими целями. Комитет развил лихорадочную деятельность: ему удалось привлечь внимание мировой общественности к происходящей трагедии и из-за границы начала в значительных размерах поступать продовольственная и иная материальная помощь. Многие тысячи жителей нашей страны через всю свою жизнь пронесли благодарность к АРА и другим организациям, спасшим тогда их от голодной смерти.

Как же реагировали большевики - непосредственные виновники голода? От помощи они, правда, не отказались. Но больше всего их беспокоило другое: как бы организаторы Комитета не заработали на спасении людей от смерти политический капитал и тем самым не создалась бы угроза власти большевиков. И началась травля Комголода. Ее направлял лично Ленин, издевательски называвший его не иначе как «Кукиш» или «Прокукиш», по первым слогам фамилий его основателей - Прокоповича, Кусковой, Кишкина. К счастью, на язык вождю не попался один из руководителей Комитета - В.Г. Короленко. Иначе официальная советская литература стала бы беднее еще на одного крупного писателя. (Кстати, не в деструктивном ли психологическом некрофильстве следует искать корни доведенного Лениным до совершенства умения облить грязью любое не угодное ему дело, опорочить любого человека?) ВЧК объявила Комитет контрреволюционной организацией. Аргументы? Из доклада ВЧК Предсовнаркома: «... агитация в Англии в пользу помощи голодающим будет сопровождаться изображением ярких картин страданий, переносимых русским народом... Эмиграция ожидает, что, сотрудничая с правыми элементами, Советская власть будет все более и более праветь ... Участвуя в борьбе с голодом, антибольшевистские элементы получают доступ к власти... Участие в борьбе с голодом

открывает поле для организации общественных сил...» 25) И прочее в том же духе. В результате последовали аресты, тюремные заключения, высылки. Какой чудовищной атрофией всяких нравственных чувств нужно страдать, чтобы оценивать с точки зрения угрозы собственной власти благородную борьбу за спасение жизней людей, оказавшихся на краю смерти по вине той же власти!

Что может красноречивее свидетельствовать об абсолютной аморальности режима? Не случайно введенный под угрозой полного вымирания населения нэп оказался лишь кратковременной мерой, от которой при первой же возможности отказались. Не соответствовала забота о благе народа базовым установкам большевистских деятелей. Ведь она входила в противоречие с принципом монопольного контроля над «животом и смертью» подданных!

4. Натравливание «революционного народа», т. е. толпы, на «социально чуждые» элементы - «буржуев» и «интеллигентов». В основе этой тактики лежал описанный выше социально-психологический феномен разгула в кризисный период низменных страстей и инстинктов. Насилие было открыто провозглашено в качестве программного принципа новой власти на долгое время: «Целый исторический период характеризуется подавлением сопротивления капиталистов, характеризуется, следовательно, систематическим **насилием** над целым классом (буржуазией), над его пособниками» 26). Сугубо политиканские цели этого натравливания подчеркивает Короленко: «Грабительские инстинкты у нас были раздуты войной и потом беспорядками, неизбежными при всякой революции. Бороться с ними было необходимо всякому революционному правительству... Вы этого не сделали. По тактическим соображениям вы пожертвовали долгом перед истиной. Тактически вам было выгодно раздуть народную ненависть к капитализму и натравить народные массы на русский капитализм, как натравливают боевой отряд на крепость. И вы не остановились перед извращением истины... Вы внушили народу, что все это - только плод грабежа, подлежащий разграблению в свою очередь» 27). Широко распространенной формой революционного

натравливания одних слоев населения на другие было прямое подстрекательство к захватам чужой собственности. Оно носило систематический характер и осуществлялось различными методами, в том числе изданием революционным правительством декретов, смысл которых состоял в том, что власть своим авторитетом как бы освящала уже произведенные захваты и авансом выдавала индульгенции на новые подобные действия. Например, в Киеве Красной Армии было предложено перед выступлением в поход «одеться за счет буржуазии».

Процесс этот шел в России столь легко и психологически беспрепятственно потому, что в русском народе было крайне слабо развито вошедшее в плоть и кровь западного человека уважение к чужой собственности - основе основ цивилизованного в современном смысле слова общества. На разрушительную, криминогенную направленность действий, поощряющих пренебрежительное отношение к чужому праву, указывали не только «буржуазные» и имеющие с ними хоть какую-то духовную связь авторы. Даже М. Горький, сознание которого не было свободно от некоторых люмпенских стереотипов, сокрушался уже в 20-е годы: «Мы живем в годы широко и смело поставленного опыта уничтожения частной собственности на землю и орудия труда и вот видим, как темный, проклятый инстинкт этот (стремления захватить чужое. - А.О.) иронически разрастается, крепнет, искажая честных людей, создавая из них преступников» 28).

Впрочем, не следует взваливать всю ответственность за разрушение принципа собственности на большевиков. И прежняя власть в России постоянно демонстрировала пренебрежение правами подданных. Как вы помните, об этой проблеме на примере высочайше декретированного принудительного отчуждения помещичьих земель в пользу крестьян в связи с аграрной реформой 1861 г. довольно подробно рассуждал Витте. В сравнительном же плане можно указать и на средневековый Китай, в котором систематический произвол властей по отношению к владельцам земельных участков так и не позволил развиваться принципу частной собственности в западном смысле слова, и даже на Францию XVIII в., где на протяжении царствования двух последних Людовиков «администрация беспрестанно показывала народу, более практическим

и более понятным для него образом, какое презрение следует питать к частной собственности» 29). Как известно, во Франции эта «восточная» политика тоже предшествовала революционным катаклизмам.

Торжество политики под лозунгом «грабь награбленное» имело, помимо всего прочего, и то негативное следствие, что она **подрывала в народе начала трудовой этики**, разрушала стимулы к труду, стремление к приобретению достатка на трудовой основе. В самом деле, зачем в поте лица зарабатывать хлеб свой, если, с одной стороны, можно отнять его у другого с санкции власти и посредством вооруженной силы, а с другой - ты сам можешь оказаться жертвой «захватного права» и лишиться заработанного? Причем чем успешнее ты трудился, чем больше заработал, тем выше для тебя вероятность попасть в число тех, чье имущество подлежит безнаказанной реквизиции.

5. Монополизация трибуны для публичных высказываний. Достоинства столь кардинального способа решения проблемы убеждения населения в собственной правоте и непогрешимости были оценены большевиками очень быстро, буквально в первые же дни после захвата ими власти. Символом подхода большевиков к вопросам политической полемики стал разгон Учредительного собрания. Весьма характерна и их позиция в отношении печати.

Как известно, одним из первых шагов Временного правительства было объявление полной свободы печати. В марте 1917 г. был издан закон, гласивший: «Печать свободна. Цензура отменяется безусловно и навсегда. Издание обязательных постановлений о печати на основании каких-либо исключительных положений воспрещается. Никакие взыскания за нарушение правил о печати не могут быть налагаемы иначе как в судебном порядке». Большевики же через 48 часов после переворота приняли свой Декрет о печати, которым правительство в полном противоречии с цитированным законом, ссылаясь на исключительность обстоятельств, присвоило себе право закрывать критикующие их органы прессы. О широте пользования Советом Народных Комиссаров (СНК) этим «правом» свидетельствуют следующие данные: «За четыре месяца господства большевиков, с

момента переворота до 22 февраля, большевиками закрыто 168 газет, из них социалистических 69, в том числе с.-р. до 36, т. е. почти половина всех газет с.-р. Большевиками конфисковано типографий 26, отдано под суд революционного трибунала газет 19, арестовано и выслано редакторов и сотрудников 18, наложено штрафов на газеты на сумму 142 тысячи» 30). И это было только начало. Тогда большевики еще не чувствовали себя достаточно сильными, чтобы открыто провозгласить принцип монополии на печатное слово, и потому были вынуждены прикрываться жупелом чрезвычайного положения, обещая словами того же Декрета, что «как только новый порядок упрочится, всякие административные воздействия на печать будут прекращены, для нее будет установлена полная свобода в пределах ответственности перед судом, согласно самому широкому и прогрессивному в этом отношении закону... Настоящее положение имеет временный характер и будет отменено особым указом по наступлении нормальных условий общественной жизни» 31). Как мы знаем, с точки зрения коммунистов, «новый порядок» не упрочился и «нормальные условия общественной жизни» не наступили вплоть до 1990 г., т. е. практически до конца их монопольной власти.

Приведение печати к покорности было поручено не кому-нибудь, а ВЧК, т.е. самому прямому, жестокому и бесконтрольному органу диктатуры. Обстоятельство это, думается, само по себе наглядно показывает отношение большевиков к принципу свободы печати. Любопытны и некоторые детали. Так, в протоколе заседания СНК от 7 (20) декабря 1917 г., на котором решался вопрос об организации ВЧК, читаем: «Комиссии обратить в первую голову внимание на печать, саботаж, к. д., правых, с.-р., саботажников и стачечников. Меры - конфискация, выдворение, лишение карточек, опубликование списков врагов народа и т. д. 32) Обратили внимание? Печать названа первой в перечне наиболее опасных источников угрозы режиму. Через полтора месяца - в конце января 1918 г. - в помощь ВЧК и для оформления его репрессий против свободного слова «при Революционном трибунале учреждается Революционный трибунал печати. Ведению Революционного трибунала печати подлежат

преступления и проступки против народа, совершаемые путем использования печати» 33). В число санкций за нарушение декрета входили «конфискация, лишение свободы, удаление из столицы, отдельных местностей или пределов Российской Республики, лишение виновного всех или некоторых политических прав» 34).

С окончанием гражданской войны и тем самым прекращением действия чрезвычайных факторов страх большевиков перед печатным словом отнюдь не уменьшился. Как следует из документов, Ленин до последних дней своей активной работы лично занимался проведением политики в области ограничений печати, в частности отдавал распоряжения о закрытии журналов и репрессиях против их издателей. (Любопытно при этом, что он благодаря своей интеллигентской закваске все же понимал, сколь грязным делом он занимается, и потому всячески заботился о том, чтобы формально остаться в стороне от подобных акций, конспирируя свое участие в них. Следующие поколения руководителей уже были полностью лишены такого рода «предрассудков».)

Тогда же дело цензуры было упорядочено и институционализировано. 6 июня 1922 г. СНК за подписями Рыкова (Ленин то ли был болен, то ли решил позаботиться о сохранении в глазах потомков «чистых рук»), Смольянинова и Фотиевой утвердил Положение о Главном управлении по делам печати (Главлит). Для краткости приведем основные пункты этого документа в изложении: 1. Главлит учреждается при Народном комиссариате просвещения, местные органы «при губернских отделах народного образования (какая циничная издевка над самим смыслом слов «просвещение», «народное образование». - А.О.). 2. На него возлагается: а) предварительный просмотр всех предназначенных к опубликованию или распространению произведений; б) выдача разрешений на право издания; в) составление списков запрещенных произведений; г) издание соответствующих правил, распоряжений и инструкций. 3. Запрещается издавать и распространять произведения: а) содержащие агитацию и пропаганду против Советской власти; б) разглашающие военные тайны Республики; в) возбуждающие националистический и религиозный фанатизм; д) порнографию. 4. Освобождаются от цензуры: издания Коминтерна, ЦК и вообще вся

партийная коммунистическая печать, издания Госиздата, Главполитпросвета, «Известия ЦИК», научные труды Академии наук. В отношении этих изданий принимаются меры к полному обеспечению интересов военной цензуры. 5. На всех издающихся произведениях должна быть виза Главлита. 6. Начальник Главлита назначается коллегией Наркомпроса по согласованию с Реввоенсоветом и ГПУ... 9. Надзор за зрелищами возлагается на губернские отделы народного образования. 10. На органы ГПУ возлагается борьба с распространением произведений, не разрешенных Главлитом, надзор за типографиями, таможенными и пограничными пунктами, борьба с подпольными изданиями и их распространением, с провозом из-за границы не разрешенной к обращению литературы, наблюдение за продажей литературы и изъятие запрещенных книг 35). (Любопытно, что по своему существу Положение очень напоминает цензурный устав 1826 г., еще в то время заслуживший прозвище «чугунного».)

Но война большевиков против печати, т. е. против слова, была лишь одним из аспектов их борьбы против носителей оппозиционной идеологии вообще. Уже через месяц после захвата власти они нашли удобный случай, чтобы объявить одного из главных своих идейных оппонентов - кадетов - ни много ни мало партией врагов народа. Да-да, всю партию! Читайте: «В полном сознании огромной ответственности, которая ложится сейчас на Советскую власть за судьбы народа и революции, Совет Народных Комиссаров объявляет кадетскую партию, как организацию контрреволюционного мятежа, партией врагов народа»36) «Члены руководящих учреждений партии кадетов, как партии врагов народа, подлежат аресту и преданию суду революционных трибуналов. На местные Советы возлагается обязательство особого надзора за партией кадетов ввиду ее связи с корниловско-калединской гражданской войной против революции. Декрет вступает в силу с момента его подписания» - подписи всех народных комиссаров во главе с Лениным 37).

Исключения не делалось даже для недавних союзников большевиков эсеров и меньшевиков, причем по мере упрочения режима контроль и репрессии по отношению к ним не только не ослабевали (как было

обещано вначале), а, напротив, усиливались. Инициатива в проведении подобной политики исходила с самого «верха». Даже опубликованные в СССР еще при Брежневе документы не оставляют на сей счет никаких сомнений.

Особенно неприглядно большевистская монополизация возможностей обращаться к общественному мнению выглядит в свете того обстоятельства, что сами большевики в период между февралем и октябрём максимально использовали установленную Временным правительством свободу печати для атак на власть, демагогической агитации против правительства, для его дискредитации любыми средствами, а также для организации антиправительственных сил и прямой подготовки к вооруженным выступлениям.

6. «Двухслойность» идеологии. Феномен идеологического лицемерия большевиков представляется необходимым выделить в качестве самостоятельного принципа. Хотя он отчасти и произведен от явления, разобранным нами под названием «возведенный в принцип имморализм», но в целом к нему не сводится.

Под двухслойностью идеологии я понимаю имманентно присущее и доктрине, и политической практике большевизма существование в них двух принципиально не совпадающих слоев, один из которых предназначен для внешнего, а второй - для внутреннего употребления, один - для народа, другой - для «своих». В основе данного явления лежит то обстоятельство, что большевики, несмотря на свои претензии выглядеть эгалитаристами и демократами, реально уже с 1903 г. пошли по пути создания конспиративной организации со специальным подбором ее членов. Подлинной целью этой организации было установление ее монопольного контроля и руководства над обществом. Все прочее являлось лишь средствами. По тактическим причинам эти намерения, естественно, не обнародовались. Однако их можно реконструировать по косвенным признакам.

Для того чтобы такая организация могла действовать и добиваться успехов, в ней должны были сосуществовать, не смешиваясь, два яруса - показной и реальный. В России данная тактика, помимо всего прочего, находила питательную среду в извечной азиатской традиции

политического двуличия. Примеров можно привести буквально десятки. Ограничимся тремя из рассматриваемого периода.

Первый - лицемерие по отношению к крестьянам: на словах им обещали свободу землепользования и гарантии поддержки их личного труда, на деле же душили продразверсткой, терроризировали продотрядами, угнетали непомерным налогом, а в результате подрубили под корень и взяли в жесточайшую кабалу посредством принудительной коллективизации.

Второй - показное, открыто пропагандистское решение об отмене в начале 1920 г. права ВЧК и трибуналов приговаривать людей к расстрелу, принятое в связи с окончанием гражданской войны. Реально вслед за ним последовал целый ряд постановлений о применении к различным категориям лиц и по различным основаниям «законов военно-революционного времени», т. е. тех же расстрелов. Само слово «расстрел» в связи с деятельностью ВЧК несколько месяцев стеснялись употреблять, а затем начали вновь. Весной же 1922 г. о своей лицемерно-пропагандистской акции двухлетней давности настолько забыли, что в проекте Уголовного кодекса прямо записали: «Впредь до установления условий, гарантирующих Советскую власть от контрреволюционных посягательств на нее, революционным трибуналам предоставляется право применения как высшей меры наказания - расстрела». И Ленин в письме наркому юстиции Курскому не только одобрил подобную меру, но и предложил значительно расширить сферу ее действия. 38) Без угроз, по существу, уничтожением людей без суда рабоче-крестьянская власть не могла ими управлять.

Пример третий - национальная политика, на словах декларировавшая право наций на самоопределение, а на деле стремившаяся в максимально возможной степени расширить большевистскую империю и «причесать» все нации под одну гребенку. К тому же большевики с самого начала пребывания у власти не считали для себя зазорным платить политический выкуп соседнему государству кровью пограничной малой нации (фактическое санкционирование туркам заключительного этапа армянской резни навсегда войдет в историю как одно из ранних преступлений большевистского режима против человечества). Не

случайно наркомом по делам национальностей с первого дня режима стал Сталин, подлинную сущность национальной политики которого ныне знает весь мир.

В последующие годы метод на словах декларировать одно, а на деле совершать прямо противоположное усовершенствовался и развился сверх всякой меры.

7. Опора режима на деклассированные элементы. К их числу относились уголовные элементы, вышедшая из повиновения солдатская масса и другие люмпенизированные группы населения. Вершить событиями стал персонаж, которого Мережковский в мрачном пророческом предвидении назвал «грядущим хамом», Бердяев вслед за Достоевским - «Федькой-каторжником», а Изгоев - «садически-злой обезьяной». Короленко просто констатировал, что в данный момент «лучше всего живется всякого рода грабителям». А. Минин в своей очерке революционной психологии писал о влиянии на массу, и прежде всего на солдат, преступных личностей: «Пленя воображение бывшего деревенского жителя «широтой натуры» и «удалью», изворотливостью и нахальством; пылая пламенной ненавистью к войне и «буржуям»; стоя в то же время близко к массе по своему культурному уровню, методам действия, психологии и ораторским приемам, - эти элементы приобретают на фронте и в тылу выдающийся авторитет. Именно они играют роль той силы, которая выбивает солдатскую массу из железного ранее круга военной дисциплины и, побуждая к отказам от выступления и наступления, толкают ее далее к убийствам командного состава, к погромам городов и винных складов, к диким насилиям и грабежам»³⁹). В целом первые годы советской власти ознаменовались полным торжеством организованной преступности, принявшей масштабы, невиданные на Руси со времен Стеньки Разина. Как и Разин, эти преступники, действовавшие под вывеской революции, использовали для своих целей идеологическое прикрытие, но плюс к тому и в отличие от Разина они орудовали от лица власти. В некоторых получивших наибольшую огласку случаях большевики, чтобы как-то закамуфлировать свой альянс с преступниками, бывали вынуждены принимать против них кое-какие меры, однако действовали при этом с

необычной для них вялостью и нерешительностью. Их можно понять: не могли же они всерьез рубить сук, на котором сидели!

Господствовавшие в стране атмосфера и психология преступного мира с достаточной откровенностью описаны в ранних произведениях советской литературы. Видимо, тогда события были столь близки по времени, что создать их мифическую версию (как сделали позднее), во-первых, было невозможно, а во-вторых, и не слишком необходимо, ибо в стане победителей преступления, совершенные во имя интересов революции (либо за этой ширмой), по критериям внутреннего слоя идеологии считались небольшим грехом. Возьмите «Железный поток» А. Серафимовича, «Разгром» А. Фадеева, «Тихий Дон» и рассказы М. Шолохова, стихи Д. Бедного... Буквально каждая из страниц этой ранней советской классики, посвященная описанию «революционного народа», представляет как бы репортаж из преступного мира, в котором обычные нормы человеческих взаимоотношений перестали действовать, а воцарилась безжалостная атмосфера стаи конкурирующих хищников. А вот как ситуация отразилась в стихах поэта М. Волошина, всеми силами пытавшегося сохранить нейтралитет, неистребимо верившего, что в тайниках души любого злодея живет в заточении Спленный ангел:

Красногвардеец

Скакать на параде с кокардой на голове
В расплавленном Петрограде, в революционной Москве.
В бреду и в хмельном азарте отдаться лихой игре.
Стоять за Родзянку в марте, за большевиков в октябре.
Толпиться по коридорам Таврического дворца,
Не видя буржуйным спорам ни выхода, ни конца.
Оборотиться к собранью, рукою поправить ус,
Хлестнуть площадной бранью, на ухо заломив картуз,
И показавшись толковым - ввиду особых заслуг
Быть посланным с Муравьевым для пропаганды на юг.
Идти запущенным садом, щупать замок штыком,
Высаживать дверь прикладом, толпою врываться в дом.
У бочек выломав днища, в подвал выпускать вино,
Потом подпалить горища, да выбить плечом окно.
В Раздельной, под Красным Рогом
громить поместья - и прочь
В степях по грязным дорогам скакать в осеннюю ночь.

Забравши весь хлеб, о «свободах» размазывать мужикам,
Искать лошадей в комодах, да пушек по коробкам.
Палить из пулеметов: кто? с кем? - Да не все ли равно, -
Петлюра, Григорьев, Котовский, Таранов или Махно...
Слоняться буйной оравой, стать всем своим невтерпеж, -
И умереть под канавой, расстрелянным за грабеж.
(16 июня 1919 г.)

И на эти силы ставила партия, претендовавшая на роль «авангарда прогрессивного человечества»!

8. Террор как принцип осуществления власти. В первые же недели после октябрьского переворота стало очевидно, что новая власть делает ставку на организованное насилие как на один из главных рычагов управления обществом. Не будет преувеличением сказать, что террор на долгие десятилетия стал одной из основ режима.

Гигантская по масштабам тема красного террора первых послереволюционных лет лишь в постсоветские годы стала осваиваться профессиональными исследователями. Но тем не менее именно эта сторона событий в целом известна лучше многих других, несмотря на то что ее в наибольшей мере скрывали. Слишком уж она красноречива сама по себе и слишком много судеб засосала ее воронка, чтобы тайное не стало явным.

Итак, террор сознательно и расчетливо направлялся властью против тех слоев населения, групп, организаций и отдельных лиц, которые в данный момент или в будущем могли, по мнению режима, представлять для него какую-либо угрозу. А как известно, любую форму проявления враждебности, нелояльности или даже просто неподконтрольности режим рассматривал именно как угрозу своему существованию. И может быть, с чисто функциональных позиций, с точки зрения самосохранения он был прав, поскольку жесткие, ригидные системы сохраняют жизнеспособность и устойчивость лишь в крайне узком диапазоне отклонений от раз навсегда заданных параметров. (Это, кстати, и подтвердил факт быстрого самораспада системы в результате горбачевской попытки ее «гуманизации».) Официальные советские историки утверждают, что красный террор начался лишь в первые дни осени 1918 г., после покушения на Ленина и Урицкого. Однако это всего-навсего одна из бесчисленных фальсификаций, содержащихся в

канонизированной версии истории революции. Прямой призыв к террору раздался из уст новой власти уже через 10 дней после переворота, в Обращении СНК к населению от 5 ноября 1917 г. 40) Практически тогда же началось и создание механизма управления террором, а уже в декабре 1917 г. произошло его организационное оформление в образе ВЧК и ее региональных подразделений. В тот же период в декретах СНК и других официальных документах замелькали многочисленные упоминания о расстрелах как мере само собой разумеющейся и применяемой в широчайшем спектре случаев, включающем не только все мыслимые формы сопротивления и неповиновения власти, но также и спекуляцию, хулиганство, уклонение от трудовой повинности и даже «формальное и бюрократическое отношение к делу», «неумение помочь голодающим рабочим» 41).

С самого начала характерной особенностью большевистского террора была колоссальная широта его фронта. Он действовал не только против лиц, в какой-либо форме вступивших в борьбу с режимом, но и в тех направлениях, где у большевиков что-нибудь особенно не ладилось, а также просто в качестве превентивной меры, имеющей целью держать все население страны в страхе и повиновении. С первых дней он был направлен против всех «враждебных делу революции классов», в число которых с самого начала была включена «обывательская», «мелкобуржуазная», «беспартийная» и прочая «интеллигентская сволочь».

Еще до начала гражданской войны был взят курс на уничтожение «как класса» офицерства и вообще всех небольшевистски настроенных «элементов» бывшей царской армии. В конце января 1918 г. (в так называемый мирный период триумфального шествия советской власти) Киев впервые надолго попал под контроль большевиков. Обращусь опять к запискам моего отца: «Кровавая расправа над офицерами продолжалась несколько дней. В это время мы находились все в квартире, где из окон было видно все, что делалось перед фасадом Мариинского дворца. Вот что запомнилось мне на всю жизнь. С раннего утра до позднего вечера во дворец вели схваченных в городе офицеров. Вели группами по несколько человек, иногда -

поодиночке, иногда - толпой. Их вводили через главный вход внутрь здания, где они оставались несколько минут, в течение которых решалась их судьба. Затем их выводили за ограду дворца на площадь между его оградой и Мариинским парком и здесь расстреливали, предварительно заставив казнимого снять сапоги и одежду... Началось все с большой группы офицеров - человек 200-300, захваченных в гостинице «Прага», тогда самой большой в Киеве. Их привели под конвоем, и они понуро толпой стояли перед дворцом. Кто-то был еще в погонах, но большинство уже без них, некоторые в штатской одежде. Двое из них, видимо старшие по чину, были введены в здание дворца минут на 5-10. После их возвращения всю группу повели на площадь и расстреляли из пулемета, приканчивая винтовками. В дальнейшем расстреливали небольшими группами или по одному».

Из этих записок, сделанных по памяти спустя много лет после событий и особенно поражающих суховатой достоверностью прозаичных «технических» деталей, напрашивается вывод об организованном характере террора, причем по меркам того анархического времени уровень организации дела был очень высок. И из всего происходившего это, по-моему, самое ужасное, ибо свидетельствует не только о разгуле вандализма толпы, но и об **изначально преступном характере власти большевиков, с первых дней своего существования сознательно опиравшейся на геноцид.**

Чуть позднее, в ходе гражданской войны, машина террора заработала на полных оборотах и внутри самой Красной Армии. Из циркулярного письма ЦК РКП(б) ко всем членам партии - комиссарам, командирам и красноармейцам (осень 1918 г.): «Красный террор сейчас обязательнее, чем где бы то ни было и когда бы то ни было, на Южном фронте и не только против прямых изменников и саботажников, но и против всех трусов, шкурников, попустителей и укрывателей» 42) .

Террор против крестьян начали продотряды. Когда же крестьяне стали восставать против их вооруженного грабежа, узаконенного и систематизированного режимом под именем «продразверстки», в дело пошли ЧК и «регулярные» части Красной Армии, действовавшие, судя

даже по официальным советским источникам, с неслыханной жестокостью. Не случайно все первые годы правления «рабоче-крестьянской» власти изобилуют волнениями крестьян, их восстаниями и расправами над ними, пожалуй, не меньше, чем самые «пиковые» в этом отношении годы романовских царствований. «Произвол режима толкал крестьян на организованные восстания. По неполным данным, в 1918 году в целом по стране таких восстаний было 245, за первые 7 месяцев 1919 года - около 100. В начале 1921 года, когда крестьянская война достигла своей кульминации, восстаниями было охвачено 118 уездов России.» 43) Причинами восстаний были вызванный конфискацией у крестьян всех продовольственных запасов и бесчинства продотрядов. «Обычной практикой продотрядов были избиения, порки, пытки и даже расстрелы крестьян. Некоторые губернские комиссары... даже среди своих заслужили репутацию «палачей»» 43) «Ответные меры» носили характер жестокой войны против собственного народа. «В ходе подавления восстания тамбовских крестьян, известного как «антоновщина», в губернии, по официальной терминологии, был установлен «оккупационный режим». Он включал в себя наводнение повстанческих местностей войсками, уничтожение хозяйств и разрушение домов участников мятежа и их семей (некоторые села были сожжены целиком), репрессии вплоть до расстрела за неповиновение, укрывательство «бандитов» и их оружия... Тухачевский приказал «леса, где прячутся бандиты, очистить ядовитыми удушающими газами». При этом командующий потребовал, чтобы «облако удушливых газов распространялось по всему лесу, уничтожая все, что в нем пряталось». «На задачу искоренения бандитизма, - писал Тухачевский в специально разработанной на этот счет инструкции, - следует смотреть не как на какую-нибудь более или менее длительную операцию, а как на более серьезную военную задачу - капанию или даже войну. Местность, охваченная бандитизмом, должна быть как бы вновь возвращена государству». В Тамбовской губернии была создана сеть концентрационно-полевых лагерей, в которых содержались не только собственно повстанцы, но и заложники, включая женщин и грудных детей.» 44)

Весьма многообразным был террор против служащих. Декретом СНК от 28 июня 1918 г. «О национализации крупнейших предприятий...» 45) и серией ранее практически одновременно принятых декретов о конфискации конкретных заводов, фабрик, акционерных обществ не только конфисковывалось имущество и налагался арест даже на личные счета работников, но и сами они, по существу, объявлялись крепостными режима со строжайшей ответственностью за «уход от хозяина». В декретах для этого использовалась одна немудреная формулировка: «Весь служебный и технический персонал обязан оставаться на местах и исполнять свои обязанности; за самовольное оставление занимаемой должности или саботаж виновные будут преданы революционному суду» 46). Но особой силы террор, естественно, достигал в жизненно важных для власти отраслях, например на транспорте. Не случайно была учреждена система специальных железнодорожных отделов ЧК, а законодательство отличалось особо террористическим характером даже по большевистским стандартам. В Постановлении Совета РКО от 10 октября 1919 г. «Об ответственности за злоумышленное разрушение железнодорожных сооружений» говорится: «Пойманных на месте преступления расстреливать в порядке непосредственной расправы, а остальных, заподозренных в тех же преступлениях, но на месте не застигнутых, судить в 24-часовой срок по законам военного времени» 47). Вот так, практически без всякого следствия и суда, уничтожались наследники чеховского «злоумышленника». И с точки зрения логики режима это выглядит вполне закономерно. Для нас же это лишнее свидетельство того, что именно власть считала своим основным, наиболее безотказно действующим инструментом управления.

Террор использовался и вообще против населения как такового, и даже против представителей местных советских властей. Кошмарными фактами массовых немотивированных расстрелов на Украине (в том числе даже расстрелов несовершеннолетних!) полны письма Короленко к Луначарскому. И этот «гуманнейший из гуманных» представителей большевистской власти, эстет, драматург, теоретик нового искусства и пр., отмахиваясь от воплей Короленко о помощи ни в чем не повинным

людям, солидаризировался с необходимостью «административных расстрелов»!

А чего стоит применявшаяся в массовом масштабе и по самым разным случаям система заложников! Ведь в самой ее основе лежит принцип ареста и угрозы уничтожения заведомо невиновных людей. Система эта последовательно проводилась в жизнь по прямым указаниям Ленина и других высших должностных лиц. Вот, например, поражающее бесстрашной деловитостью Постановление Совета обороны от 15 февраля 1919 г.: «Поручить Склянскому, Маркову, Петровскому и Дзержинскому немедленно арестовать несколько членов исполкомов и комбедов в тех местностях, где расчистка снега производится не вполне удовлетворительно. В тех же местностях взять заложников из крестьян, с тем чтобы если расчистка снега не будет произведена, они будут расстреляны. Доклад об исполнении со сведениями о количестве арестованных назначить через неделю» 48). Или вот, например, такая торопливая пометка на телеграмме о невыполнении райисполкомами поставок людей по трудовой повинности: «Дзержинскому: не арестовать ли по 1-2 члена каждого исполкома?» 49) Весьма красноречиво и лаконично указание Склянскому в записке от 8 июня 1919 г.: «Надо усилить взятие заложников с буржуазии и с семей офицеров - ввиду учащения измен. Сговоритесь с Дзержинским» 50). Подобных выписок можно сделать множество. Любил вождь и обронить между делом совет о целесообразности ареста или даже расстрела «для острастки» представителей не потрафивших власти групп населения.

А на транспорте в соответствии все с той же логикой в открытую были провозглашены всеобщая круговая ответственность и полная презумпция виновности всех работников: «Возлагается на всех без исключения железнодорожных служащих данного района, от самых старших до самых младших, общая круговая ответственность... Служащие обязываются... под страхом строжайшей ответственности, доказать свою непричастность к преступлению или, если они не в состоянии это сделать, найти и выдать преступников» 51). Обвинение в «контрреволюции» могло возникнуть из любой ерунды, и сразу появлялась прямая угроза жизни человека. Так что сталинские 25-

летние сроки заключения за дневники и 10-летние - за шляпу, одетую на школьном вечере на бюст Сталина, были лишь более последовательным проведением в жизнь политической линии, определившейся еще у самых истоков «нового общества».

Уже в конце 1917 г. были приняты меры по установлению системы тотального контроля над гражданами в пределах, до тех пор не снисшихся никакому полицейскому государству. 7 (20) декабря Ленин послал Дзержинскому записку с проектом декрета о борьбе с контрреволюционерами и саботажниками, согласно которому все состоятельные люди, а также все служащие обязывались под страхом серьезных наказаний заявить о себе как о потенциально неблагонадежных лицах и постоянно иметь при себе документ о собственной неблагонадежности 52). Прекрасное изобретение, сделавшее бы честь испанской инквизиции в пору ее расцвета!

Поэзия, как правило, ярче, чем что-либо другое, передает эмоциональную окраску событий. Но иногда она, помимо того, в немногих строках ухватывает глубинную суть происходящего, причем более точно, чем многостраничные рассуждения политиков и ученых. Приведем два небольших стихотворения М. Волошина. Первое так и называется:

Террор

Собирались на работу ночью. Читали
Донесенья, справки, дела,
Торопливо подписывали приговоры.
Зевали, пили вино,
С утра раздавали солдатам водку.

Вечером при свече
Выкликали по спискам мужчин, женщин,
Сгоняли на темный двор.
Снимали с них обувь, белье, платье,
Связывали в тюки.
Грузили на подводу. Увозили.
Делили кольца, часы... Ночью гнали разутых, голых
По оледенелым камням
Под северо-восточным ветром
За город, в пустыри.
Загоняли прикладами на край обрыва,
Освещали ручным фонарем.
Полминуты работали пулеметы,

Доканчивали штыком.

Еще недобитых валили в яму.
Торопливо засыпали землей.
А потом с широкою русской песней
Возвращались в город домой.

А к рассвету пробирались к тем же пустырям (очагам)
Жены, матери, псы,
Разрывали землю. Грызлись за кости.
Целовали милую плоть.
(Симферополь. 26 апреля 1921 г.)

Второе... Впрочем, читайте сами:

Терминология

«Брали на мушку», «ставили к стенке»,
«Списывали в расход» -
Так изменились из года в год речи и быта оттенки.
«Хлопнуть», «гробить», «отправить на шлепку»,
«К Духонину в штаб», «разменять» -
Проще и хлеще нельзя передать нашу кровавую трепку.
Правду выпытывали из-под ногтей,
в шею вставляя фугасы.
«Шили погоны», «кроили лампасы»,
«Делали однорогих чертей».
Сколько понадобилось лжи в эти проклятые годы,
Чтоб разъярить и поднять на ножи
Армии, классы, народы.
Всем нам стоять на последней черте,
Всем нам валяться на вшивой подстилке,
Всем быть распластным с пулей в затылке,
И со штыком в животе.
(29 апреля 1921 г.)

В комментариях, думается, особой необходимости нет.

Как известно, большевики, несмотря на их заигрывание с анархистскими элементами и эксплуатацию разрушительной анархистской стихии, несмотря на продиктованную тактическими целями антигосударственническую фразеологию, по своим подлинным политическим убеждениям были чистейшей воды государственниками. Соответственно, и террор они рассматривали как дело государственное. Поэтому создание государственного террористического аппарата являлось для них одной из первейших задач. В рассматриваемый период существовали две системы органов, чьей главной задачей было выполнение карательно-террористических функций - чрезвычайные комиссии и трибуналы. И власть очень

заботилась о том, чтобы никто не мешал им творить расправу и терроризировать народ максимально широким и бесконтрольным образом. Словом, был санкционирован полный произвол. И эта людоедская практика декретировалась с самого верха с просто-таки обескураживающей современного читателя откровенностью. Об этом свидетельствуют многочисленные опубликованные ленинские документы, постановления ЦК, СНК, ВЦИК...

Ленин в речи о кооперации на IX съезде партии прямо заявил: «Хороший коммунист в то же время есть и хороший чекист» 53). Надо отдать тогдашним руководителям должное за проявленную ими в данном отношении искренность - своей террористической сущности они в тот момент не скрывали. Впрочем, уже через пару лет они пришли к выводу, что искренность при совершении черных дел не всегда полезна. Террористическая сущность режима стала камуфлироваться благопристойными формами законов и квазиправовых процедур, которые были позаимствованы у преданных анафеме «буржуев». Тут, видно, сыграли роль обстоятельства двоякого рода - во-первых, желание хоть как-то облагородить свой облик, во-вторых, необходимость установить контроль над машиной террора, которая уже тогда, подобно рукотворному чудовищу Франкенштейну, обнаружила склонность выходить из повиновения своему создателю и превращаться в самодовлеющую силу.

«Органы» благодаря приданному им статусу получили неодолимую притягательность для преступных личностей разных калибров и мастей. Даже всегда бравшее чекистов под защиту высшее политическое руководство сквозь зубы роняет признания о систематическом разгуле должностных лиц «органов». Вот, например, письмо Ленина Лацису от 4 июня 1919 г.: «Дорогой товарищ! Письмо Ваше и приложения получил. Каменев говорит - и заявляет, что несколько виднейших чекистов подтверждают, - что на Украине Чека принесли тьму зла, будучи созданы слишком рано и впустив в себя массу примазавшихся. Надо постороже проверить во что бы то ни стало чекистов и выгнать примазавшихся» 54). Иными словами, преступления, совершавшиеся чекистами посредством захваченных ими в «органах»

должностных позиций, приобрели размах, страшивший даже самую стоявшую на терроре власть. Однако из соображений вынужденного самоограничения мы не будем развивать эту чрезвычайно важную для понимания событий последующих десятилетий советской истории, но побочную для нас тему.

Скажем лишь, что в ходе правительственной кампании периода зимы 1921/22 г. по упразднению ВЧК явно возобладали две доминирующие цели: 1) упраздняя по форме, сохранить по сути; 2) не ослабляя репрессий, по возможности, их засекретить. Весьма симптоматично, что ленинские государственные бумаги этого времени пестрят совершенно не свойственными ему ранее пометками: «секретно», «сов. Секретно», «вернуть лично мне», «не размножать», «показать... и вернуть, не размножая» и т.п.

Террор вводился властью «всерьез и надолго». Большевики (их идеологи, верхушка) не питали иллюзий относительно возможности быстрого подавления сопротивления своему режиму. Поэтому уже начиная с января 1918 г. появляются первые свидетельства заботы об «увеличении числа мест заключения» 55), их расширении и пр. В дальнейшем забота эта становится постоянной и неусыпной да к тому же получает дополнительные побудительные импульсы из, казалось бы, далекой от репрессивных задач народнохозяйственной сферы. Добившись огромных успехов на пути «органического» соединения двух таких разнохарактерных, согласно классическим канонам, государственных функций, как репрессии и развитие экономики посредством широчайшего использования принудительного труда заключенных, «первое в мире государство рабочих и крестьян» действительно внесло принципиально новый (хотя и не рекламировавшийся) вклад в теорию организации и управления обществом 56). Мы же здесь считаем своим долгом лишь обратить внимание на сделанное еще на заре режима «подлинно научное предвидение того обстоятельства, что без террора и массовых репрессий «самый справедливый на земле строй» не сможет долго существовать.

В подобном контексте любопытен Марксов взгляд на психологию террора, высказанный им в письме к Ф. Энгельсу от 4 сентября 1870 г.: «... когда приходится смотреть правде в глаза, получаешь гораздо лучшее представление о периоде господства террора. Мы понимаем под последним господство людей, внушающих ужас; в действительности же, наоборот, - это господство людей, которые сами напуганы. Террор - это большей частью бесполезные жестокости, совершаемые ради собственного успокоения людьми, которые сами испытывают страх»⁵⁷). Думается, такого рода подход к проблеме террора дополняет наши соображения весьма существенным аспектом.

9. Опора на привилегированные военные подразделения. Помимо люмпенизированных и преступных элементов режим опирался также на силу организованных «янычар» - отряды вооруженных людей, тесно связанных с режимом материальными и другими групповыми интересами. Такого рода отряды занимали в структуре социальной базы режима явно исключительное, элитарное положение. Они пользовались значительными материальными привилегиями, были лучше вооружены, лучше снабжались, находились под покровительством высших должностных лиц, которые зачастую непосредственно и неформально обращались к ним за поддержкой, и т.п. Им поручалась охрана руководителей режима, а также выполнение наиболее ответственных и «деликатных» дел. Как правило, подобного рода отряды были мало связаны с местным населением и его интересами. Их судьба и благополучие определялись безоговорочной поддержкой власти и персональных ее носителей. Поэтому чем неприязненнее относилось к ним население, тем вернее служили они своим хозяевам, защищая их до последнего. Ведь в случае поражения хозяев им тоже было несдобровать!

Ни один из опасавшихся за свою жизнь тиранов не обходился без подобного «личного корпуса». У римских императоров эту роль выполняли преторианцы, у турецких султанов - янычары, у нацистов - штурмовики... В соответствии с российской традицией эту функцию выполняли опричники при Грозном, преображенцы - при Петре I, гвардия - при последующих императорах и императрицах вплоть до начала

XIX столетия (то, что она иногда «превышала свои полномочия» и, перепродаваясь, самочинно заменяла персоны восседающих на троне властителей, сути дела не меняет). Революционные режимы не менее консервативных нуждаются в подобной опоре. Так, при Кромвелле данное место занимали его «железнобокие», а при якобинской диктатуре - марсельцы. И пожалуй, именно марсельцы в наибольшей мере могут служить подобием «токтон-макутов» русской революции.

Однако большевики, пуще всего заботившиеся об охране своей власти, и здесь сделали важное усовершенствование: они опирались одновременно на несколько подобных корпусов, каждый из которых, помимо того что он не имел связей с местным населением, еще и в определенной степени конфликтовал или во всяком случае конкурировал с другими аналогичными подразделениями. В первые годы революции эти роли исполняли: сошедшие с кораблей матросы, отряды красногвардейцев, составленные главным образом из дезертировавших с фронта солдат, латышские стрелки, китайские батальоны, отряды ЧОН, кремлевские курсанты... Но постепенно ведущие позиции и в этом отношении заняли чекисты. От бандитов эти «янычары социализма» отличались лишь одним - большей степенью управляемости «сверху».

Впрочем, большевики, как известно, были не брезгливы. Они сотрудничали и с откровенными, неуправляемыми бандитами, такими, как, например, батька Махно, поскольку были уверены в своей способности любого обвести вокруг пальца. И в самом деле, в итоге большевики оказывались хитрее и беспринципнее их всех. Так, по соглашению с советским правительством отряды Махно вместе с Красной Армией участвовали в битве за находившийся под контролем врангелевской армии Крым и немало сделали для общей победы. Однако не успели еще стихнуть последние выстрелы на Южном берегу Крыма, как командовавший операцией Фрунзе отдал махновцам провокационный, явно выходящий за рамки соглашения приказ об их передислокации на Кавказ. Махновцы, естественно, отказались. Тогда все их руководители были внезапно и одновременно арестованы чекистами и вскоре расстреляны. Лишенные руководства, перемешанные с войсками Красной Армии, махновцы были легко

каждый раз подсовывается конкретный «живой» враг, конкретный виновник всех его неустойчивостей и бед, некое персонифицированное воплощение извечного «они». Промежуточные же слои, в чем-то близкие к той категории «они», на которую в данный момент указал директивный палец, либо держат себя «тише воды, ниже травы», либо, напротив, усердствуют в преследовании тех, кто назван врагом, с особой исполнительностью, дабы самим не оказаться среди проклинаемых и подвергаемых остракизму, хотя в конечном счете это им никогда не помогало. Рано или поздно их черед наступал.

Главным политическим механизмом, при помощи которого все это делалось, был бюрократический аппарат централизованного управления. Ну и, конечно, террор всегда сохранял свою устрашающую силу, по крайней мере в качестве потенциально присутствующего, всегда готового к употреблению средства.

Для власти было спокойнее и надежнее иметь дело с «народным гневом», полностью подконтрольным бюрократической машине. Своего наивысшего теоретического воплощения эта мысль достигла в 1937 г., когда Анастас Микоян в докладе, посвященном 20-летию органов ЧК-ГПУ-НКВД, провозгласил: «Каждый гражданин СССР - сотрудник НКВД»⁵⁹).

К тому же ставшая вполне реальной уже к 1919 г. угроза полного прекращения в стране хозяйственной жизни в конце концов вынудила большевиков позаботиться о том, чтобы попытаться устранить хотя бы самые вопиющие преступления, совершавшиеся именем власти, в том числе руками ее доверенных представителей, против экономически активного населения и отбивавшие у него всякую охоту работать на большевистского «дядю». Завершающим этапом этого, по словам Ленина, «временного отступления»⁶⁰) стал нэп.

Мы не будем подробно заниматься этим, как было принято считать, кардинальным поворотом в экономической политике большевиков. И главным образом потому, что новая власть, провозглашая нэп, была столь же нечестна, лицемерна, сколь и старая при провозглашении ею Манифеста 17 октября; и то и другое было вынужденным тактическим маневром; ни старый режим, ни новый всерьез не собирались выполнять

условий достигнутых общественных соглашений и отказались от них при первом удобном случае.

Нельзя хотя бы не упомянуть еще об одном универсальном механизме обеспечения послушания управляемых, поскольку к тому же именно большевики внесли и в его разработку, и тем более в его «отладку» и «практическое внедрение» огромный, если не решающий вклад. Имеется в виду **механизм массовой политической партии**, построенной на началах так называемого демократического централизма, а по существу, идеально обеспечивающей весьма эффективное и в то же время абсолютно подконтрольное распространение во всех звеньях общества исходящих из единого центра команд. Об этом механизме написано немало, и его чудовищные дегуманизирующие возможности теперь достаточно очевидны.

На этом закончим обзор политических механизмов Енародного правления в первые послереволюционные годы.

* * *

После того как накал революционной вакханалии спал, а страсти улеглись, в массовом сознании на смену возбуждению пришел упадок. Наступило чувство безрадостного, горького похмелья. Массовый тип революционного преступника оказался не у дел, во всяком случае до начала массовой коллективизации. Но и тип революционного фанатика-доктринера, для которого события времен революции были «восхождением к блистающим вершинам», тоже почувствовал себя обманутым, когда образ близкого земного рая уступил место неопределенно долгим и в пределах «прямой видимости» весьма тусклым перспективам. В обывательской же среде, которая восприняла революцию пассивно, но все же была отчасти обнадежена риторическими словесами разных радикальных идеологов и устранением некоторых очевидных зол прежнего режима, резко усилились настроения депрессивной подавленности.

Этот свойственный 20-м годам дух депрессии, какой-то внутренней опустошенности, безрадостности и бесперспективности бытия

отмечается многими из современников. В художественной литературе он, в частности, очень отчетливо слышен в романе И. Эренбурга «День второй». Впрочем, о его существовании говорят и другие, более убедительные с классической научной точки зрения данные.

В 1925 г. Ленинград занял седьмое место в мире среди крупных городов по числу самоубийств на миллион жителей - 344. «Впереди оказались лишь 5 городов Германии, переживавшей в те годы серьезнейший за три столетия кризис, и Будапешт. Москва заняла 14-е место, но тоже далеко «обогнала» такие «гнойники капиталистического мира», как Чикаго, «город желтого дьявола» Нью-Йорк, Лондон, Амстердам...61) Как-то не сочетаются эти данные с образом столиц строящегося нового мира, не правда ли? Не подходит здесь и объяснение наподобие «носители отживших ценностей, видя крах старого мира, кончали счета с жизнью», поскольку в этом случае головы в петлю совали бы в первую очередь люди среднего и пожилого возраста. В стране же строящегося социализма мы наблюдаем аномалию прямого противоположного характера: «Особенностью самоубийц в СССР является иное их распределение по возрастным группам, нежели по остальным странам, где издавна было установлено, что на каждый миллион жителей соответствующего возраста приходится тем более самоубийц, чем группа старше, т.е. что глубокие старики кончают с собою чаще всех остальных возрастов. У нас же оказалось, что как в столицах, так и в городах и сельских местностях наибольшая склонность к самоубийствам проявилась в молодом возрасте 20-24 лет и в ближайших к ним возрастных группах - 16-19 и 25-29 лет 62). Следовательно, самоубийцами становились именно те, чье мировоззрение складывалось как раз в годы наивысшего накала революционных страстей. Думается, что данные этого трагического «референдума» красноречивее и достовернее многого другого говорят о подлинном, а не вымышленном духе времен.

О серьезных устойчивых деформациях, происшедших в результате революции в этике и психологии населения России, свидетельствует динамика преступности. Сравнивая апрель 1917 г. (т. е. наивысший для «старого мира» момент расцвета преступности) с первым кварталом

1923 г., можно наблюдать значительный рост числа тяжких преступлений. В частности, «вдвое возросла цифра заявленных убийств» 63). Для промежутка всего в 6 лет это гигантский скачок. Широкое распространение получил организованный бандитизм (не результат ли это фактической легализации в период революции «захватного права», идеологии «экспроприации экспроприаторов» и опоры на «человека с ружьем?»). Соперничавшие друг с другом шайки бандитов терроризировали весь город. Человеческая жизнь, и всегда-то не слишком ценная в России, совсем обесценилась.

Разрушив прежние моральные табу, революция не создала новых. Поэтому послереволюционные преступления против личности характеризуются не только резко возросшим их числом, но и возросшей жестокостью. Гернет приводит ряд примеров убийства, ни с чем не сравнимых по спокойной «деловитости» их совершения, по хладнокровному глумлению над человеческой жизнью и трупом. Щадя чувства читателей, процитируем лишь его сдержанное научное резюме: «У современных убийств есть характерная особенность - это поразительное спокойствие, продуманная методичность если не самого убийства, то сокрытия следов его. Она сказывается в целом ряде дел об убийствах 64). Таково еще одно побочное следствие взрыва плохо ли, хорошо ли, но действовавшей системы регуляторов человеческого поведения, его варваризации под революционной вывеской.

Одним из самых популярных лозунгов революции была идея равенства. Именно она привлекла под революционные знамена значительное число людей, которых прельстили не материальные приманки нового порядка, а перспектива уничтожения всех существовавших социальных барьеров и перегородок. Ведь миф равенства обладает неодолимой привлекательностью, особенно для тех, кто считает себя несправедливо обойденным жизнью, заслуживающим лучшей участи. А таких людей всегда предостаточно. Правда, в психологическом подтексте ими движет стремление отнюдь не к равенству, а к занятию в социальной системе более высоких позиций, которые больше отвечают их достоинствам, подлинным или мнимым, не суть важно. Иногда эти стремления соответствуют социальной

справедливости, иногда нет. Но статья под знамена любого радикального социального движения наиболее активная часть этого контингента всегда готова. Естественно, Россия не составила в данном отношении исключения.

Так вот, миф равенства рассыпался в послереволюционной России одним из первых, раньше экономических и других мифов. Очень быстро возникли новые привилегированные группы, из которых постепенно стала складываться новая элита. **Притом критерии для попадания в эту элиту еще больше отклонялись от идеалов социальной справедливости, от подлинных человеческих достоинств, чем при прежнем режиме.** Сбылись мрачные пророчества Бердяева, писавшего «недругам по социальной философии»: «Неравенство есть ... оправдание самого существования человеческой личности и источник всякого творческого движения в мире. Всякое рождение света во тьме есть возникновение неравенства. Всякое творческое движение есть возникновение неравенства, возвышение, выделение качеств из бескачественной массы» 65). И далее, в письме «Об аристократии»: «В сущности, только и существуют два типа власти - аристократия и охлократия, правление лучших и правление худших. ... Если нарушена истинная иерархия и истреблена истинная аристократия, то являются ложные иерархии и образуется ложная аристократия» 66). Примерно так и произошло в России.

х х х

Даже не имея намерений сколько-нибудь углубляться в теорию тоталитаризма, все же нельзя не обратить внимания на некоторые аналогии, произвольно возникающие при сопоставлении исследуемого нами феномена с другим, который в близком обличье фигурирует по другую сторону линии фронта второй мировой войны. Судите сами.

Массовая социальная база движения национал-социалистов - рабочий класс 67), а также другие низшие слои общества. В 1923 г. в германской нацистской партии низшие слои населения составляли около 3/4 ее членов. В итальянской фашистской партии в 1921 г. промышленные и сельскохозяйственные рабочие составляли около 40% ее членов 68).

Антикапиталистическая, левая фразеология была едва ли не основным идеологическим оружием раннего фашизма. Так что слово «рабочая» стояло в названии партии Гитлера с полным основанием.

«В рядах фрейкора сошлись всякого рода авантюристы, которым был противопоказан мирный образ жизни, уголовные личности, почуявшие возможность дать выход своим человеконенавистническим инстинктам и поживиться за чужой счет» 69). «Люмпены откликнулись на призыв реакции в самых ее разнообразных формах - будь то бонапартизм Наполеона III, буланжизм, джингоизм, «черные сотни» и, наконец, фашизм... Такого рода люмпенские, а порой и откровенно уголовные элементы подвизались в рядах практически всех фашистских движений» 70). Чем все это отличается от пункта 7 нашего анализа политических механизмов «Опора режима на деклассированные элементы»?

А проповедь «окопного социализма», а признание «того факта, что весьма значительную и наиболее активную часть фашистского контингента составляли бывшие фронтовики, которых после войны буржуазное общество не могло обеспечить работой и достатком? Муссолини восхвалял фронтовиков как «траншейную аристократию», кровью заслужившую право определять судьбы послевоенной Италии... Фашисты «первого часа», своего рода «элита», рекрутировались главным образом из участников войны, которые не смогли или не пожелали вернуться к прежнему образу жизни, так как былой статус их не устраивал» 71). Вспомните в данной связи роль в нашей революции «человека с ружьем».

«Невиданная бойня катастрофически понизила ценность отдельной человеческой жизни, породила довольно многочисленную категорию людей, для которых пролитие чужой крови становится обыденным делом. Так благодаря войне реакция получила в свое распоряжение значительный контингент хорошо подготовленных головорезов»72). Помните, в начале главы мы говорили об активизации в результате войны синдрома социального невротизма, о пробуждении в прошедших фронт людях инстинкта антропофагии, что радикалы не упустили поставить себе на службу?

А то обстоятельство, что, «впитав чьи-то идеи, нацисты потом выдавали их за свои собственные и не желали афишировать их подлинное происхождение» 73)? Помните обиды эсеров, у которых украли их аграрную программу?

А культ политического прагматизма, доведенного до полной беспринципности? «Мы позволяем себе роскошь быть аристократами и демократами, консерваторами и прогрессистами, реакционерами и революционерами, сторонниками легальности и нелегальщины в зависимости от обстоятельств времени, места и окружающей среды», - говорил Муссолини 74).

А установка на монопольное господство в радикальном движении, на полное подчинение и устранение своих союзников, соратников по предыдущим этапам борьбы? «Консолидация нацистской партии проходила в ожесточенной борьбе с конкурирующими экстремистскими группировками и организациями. Гитлер решительно отвергал попытки объединения; они должны были полностью раствориться в нацистском движении, отказаться от какой бы то ни было идейной и организационной автономии» 75).

А закон о единстве партии и государства, принятый в Германии вскоре после прихода нацистов к власти и прямо перекликающийся с пресловутой статьей 6 нашей Конституции 1977 г.?

А устранение ближайших соратников по борьбе за власть во избежание конкуренции в ходе «ночи длинных ножей» и ряда других «мероприятий»? Не узнаете?

А возведение террора в принцип осуществления власти? «Другим основным признаком фашизма является перманентный и тотальный террор. Причем особенно следует подчеркнуть перманентный, т. е. непрерывный, постоянный, характер фашистского террора. ..Террор был возведен нацистами в норму повседневной политической практики, причем еще до прихода к власти. С установлением фашистского господства террор становится тотальным по своему масштабу. Сама нацистская партийная организация представляла собой орудие террора» 76). Ничего не напоминает?

Впрочем, сходство отнюдь не ограничивалось областью политической практики. И на теоретическом уровне существовала весьма примечательная близость идейных позиций двух ветвей радикализма. Общность их радикально-социалистического ствола особенно бросается в глаза при взгляде на период конца XIX - первой четверти XX в., когда даже организационно и персонально они представляли собой тесно сообщающиеся системы.

Но вернемся на отечественную почву. Говоря о событиях первых послереволюционных лет, нельзя не упомянуть о судьбе православной церкви, в течение многих веков выполнявшей роль доминирующего идеологического института общества. Большевики, вознамерившись обратить народ в другую религию, с новыми богами, естественно, пожелали избавиться от старых. И поэтому, едва укрепившись у власти, они начали против церкви систематические репрессии, конечной целью которых был полный подрыв ее влияния, а приливы и отливы в осуществлении этой неизменной линии определялись лишь политической конъюнктурой того или иного момента. «По «Статистике гонений на Русскую Православную Церковь в XX веке», подготовленной Православным Свято-Тихоновским Богословским институтом, только на 1918 год приходится 3000 расстрелов священнослужителей.» 77) И это было только начало.

Пока продолжалась гражданская война, антицерковные акции, хотя они и тогда несомненно одобрялись и поддерживались властью, исполнялись довольно кустарно. То ли руки не дошли, то ли новые правители пока не чувствовали себя готовыми к штурму православной цитадели, то ли общая ситуация не позволяла открывать еще один фронт.

Генеральное наступление на церковь началось с концом гражданской войны. Повод для открытия военных действий был выбран столь же беспроектный, сколь и аморальный - голод в Поволжье. Церкви было предложено пожертвовать в пользу голодающих некоторые церковные ценности. Патриарх согласился. Однако подобный мирный поворот дела большевиков не устраивал, и был издан декрет о принудительной реквизиции всех ценностей. Церковь слабо запротестовала, но вскоре, в условиях начавшейся ее травли, попыталась добиться компромисса и на

этих новых, унижительных и прямо провоцировавших на сопротивление условиях. Однако не компромисс был нужен власти, а полная победа. Были проведены повсеместные изъятия церковных ценностей, причем, как правило, делалось это максимально грубым, преднамеренно оскорбительным для священнослужителей и верующих образом. Возникшие столкновения дали властям долгожданный повод применить свой главный аргумент - прямое подавление военной силой (вплоть до пулеметного расстрела шестивий монахов), а также провести против духовенства ряд судебных процессов с крайне жестокими, в том числе и смертными, приговорами. Известно строго секретное ленинское письмо Молотову для членов Политбюро от 19 марта 1922 г. В нем прямо предлагается воспользоваться реквизициями церковных ценностей, чтобы спровоцировать духовенство на сопротивление и тем самым развязать себе руки для репрессий против него, а также изложен весьма изощренный, предельно циничный план этой «кампании». Вот некоторые выдержки из этого поистине страшного документа: «Именно теперь и только теперь... мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией и не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления... Поэтому я прихожу к безусловному выводу, что мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение десятилетий. Самую кампанию проведения этого плана я представляю себе следующим образом:

Официально выступить с какими то ни было мероприятиями должен только тов. Калинин, - никоим образом и ни в каком случае не должен выступать ни в печати, ни иным образом перед публикой тов. Троцкий...

В Шую послать одного из самых энергичных, толковых и распорядительных членов ВЦИК... причем дать ему словесную инструкцию... чтобы он в Шую арестовал как можно больше, не меньше чем несколько десятков, представителей местного духовенства, местного мещанства и местной буржуазии по подозрению в прямом или косвенном участии в деле насильственного сопротивления декрету

ВЦИК об изъятии церковных ценностей... Лично сделать доклад на полном собрании Политбюро... На основании этого доклада Политбюро даст детальную директиву судебным властям: тоже устную, чтобы процесс против шуйских мятежников, сопротивляющихся помощи голодающим (о том, что «помощь голодающим» была лишь демагогическим прикрытием операции, свидетельствуют рассуждения в этом же письме о предполагаемом использовании изъятых богатств; в них уже ни о каких голодающих и речи нет. - А.О.), был проведен с максимальной быстротой и закончился не иначе как расстрелом очень большого числа самых влиятельных и опасных черносотенцев г. Шуи, а по возможности также и не только этого города, а и Москвы и нескольких других духовных центров... Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать» 78). Так что очевидно, что с начала 20-х годов антицерковная кампания планировалась и направлялась с самого «верха».

Только в 1922 году в ходе этой кампании «было расстреляно и замучено 2690 священников, 5400 монахов и монахинь и множество мирян, закрыто 637 монастырей.» 79)

Новые хозяева страны решили ввести новую, собственную государственную религию, для чего было необходимо заменить идеологическое звено в триаде «православие, самодержавие, народность»; и они успешно сделали эту пересадку, благо для нее не пришлось ломать главные стереотипы национального сознания Несмотря на то что внешне православие казалось вошедшим в плоть и кровь основной массы населения бывшей Российской империи, на поверку оказалось иначе. В предыдущих главах говорилось о постепенном выхолащивании в различных слоях населения нравственных основ православной веры и подмене их либо формальным, либо во всяком случае механическим, неосмысленным исполнением предписанных процедур. Поэтому, когда ситуация

изменилась и власть круто поменяла православные символы на атеистические, это не вызвало в национальном сознании и национальной истории драмы тех масштабов, которые случались у других народов при попытках их насильственной религиозной переориентации. Конечно, некоторая часть населения проявила определенное упорство, а в отдельных случаях даже героизм в защите святынь традиционной веры и своего права ее исповедовать. Однако другая его часть, по численности во всяком случае не меньшая, обнаружила готовность и даже желание всячески попираť лишившиеся государственной защиты святыни, кощунствовать над ними, уничтожать их. Большинство же отнеслось к гонениям на церковь в общем индифферентно. При данном соотношении сил судьба ее была предрешена. За долгие века своей истории официальное православие не выработало способности отстаивать религиозные убеждения в условиях неблагоприятной внутренней ситуации (в отличие от присущего россиянам умения постоять за веру перед лицом внешних врагов, иноверцев).

В России религия всегда была тесно связана со светской властью, а церковь подчинялась и служила ей. Поэтому, когда власть прекратила ее поддерживать и начала на нее гонения, религия, оказавшись без привычной опоры, рухнула, во всяком случае как феномен массового сознания, для которого **ориентация на послушание власти оказалась сильнее религиозных ориентаций и чувств. Православный стереотип оказался не базовой структурой национального сознания, а вторичным, довольно легко устранимым его элементом.** (Кстати, в других странах, попавших под коммунистическое правление, церковь, несмотря на обрушившиеся на нее по советским образцам репрессии, в целом выстояла, так как, очевидно, занимала в национальном сознании иное место.)

Неизмеримо более глубокой и роковой по своим последствиям трагедией революционных лет стала судьба русской интеллигенции. Мы немало говорили о двух принципиально различных по своим базисным ориентациям ее разновидностях. Однако при всех различиях их

объединяло одно - бескорыстный идеализм устремлений, готовность к жертвенному служению на благо народа. Но мысль обретает плоть лишь будучи обращена в действие. И факт есть факт - **долговременная, целенаправленная, самоотверженная деятельность одной из двух основных групп интеллигенции - радикалов - лежала в основе происшедшей в 1917 г. катастрофы, пламя которой не обошло стороной и саму интеллигенцию, причинив ей неисчислимыя беды.**

Веховцы (а вслед за ними и многие другие) совершенно однозначно и определенно возлагают на интеллигенцию главную ответственность за события. Перелистаем еще раз, под этим углом зрения, сборник «Из глубины». А.С. Изгоев: «Напрасно интеллигенция пытается спасти себя отводом, будто она не отвечает за большевиков. Нет, она отвечает за все их действия и мысли. Большевики лишь последовательно осуществили все то, что говорили и к чему толкали другие. Они лишь поставили точки над «і», вывели все следствия из посылок, более или менее красноречиво установленных другими» 80). В.Н. Муравьев: «Русский народ, появившийся перед нами в образе Смердякова и сделавший злое дело, имеет право сказать интеллигенции перед трупом бездыханной России: ан ты главный убивец и есть» 81). П.Н. Новгородцев: «Господствующим направлением интеллигентской мысли оказалось то, которое должно было привести ее к неминуемому крушению» 82). С.Л. Франк: «Более глубокое определение источника зла, погубившего Россию, приходится отметить в лице нарастающего сознания гибельности социалистической идеи, захватившей широкие круги русской интеллигенции и просочившейся могучими струями в народные массы» 83).

Хотя веховцы и сами являлись частью русской интеллигенции, представляя ее религиозно-обновленческое крыло, они, однако, говорили о ней в третьем лице, подчеркивая тем самым обособленность своей мировоззренческой и социальной позиции. Но и те из интеллигентов, кто, никоим образом не пытаясь дистанцироваться от своей группы, тоже негативно оценивал события революции, также

относили вину за них на интеллигентский счет. Причем делалось это со свойственным нашей интеллигенции беспощадным самобичеванием. Вот, например, как социалист Айхенвельд оплакивал Россию, словно разрушенный по собственной неосторожности дом: «Россия лежит в обломках. Была надежда на Учредительное собрание, когда открылась возможность воплотить мечту отошедших поколений, оплаченную их жертвами и кровью, - все разбилось вдребезги. Учредители одолены разрушителями. Мы оказались авторами бездарными, недобросовестными, бессильными, и новой России нам не написать»⁸⁴). Что можно сказать по поводу всех этих оценок? Конечно, я разделяю и трагическое восприятие происшедшего, и констатацию того обстоятельства, что интеллигенция сыграла на данном отрезке нашей истории значительную и во многом роковую роль. Однако невозможно солидаризироваться с веховскими оценками в некоторых существенных пунктах, и прежде всего со взглядом на события 1917 г. как на полное крушение старой России, прежнего российского мира. Сейчас, когда мы в исторической ретроспективе, как с вершины холма, можем окинуть взглядом весь пройденный страной путь, представляется, что никакого тотального разрыва с прошлым в тот момент не произошло и «связь времен» отнюдь не распалась. Отломилась и ушла в пропасть скорее «боковая дорожка», лишь относительно недавно отошедшая от магистрали. Правда, выглядит она значительно более привлекательно, на нее к моменту катастрофы уже перебралось почти все лучшее, что только было в стране, и существовала надежда, что со временем именно она станет магистралью. Но на момент революции магистралью оставалась старая дорога. Именно она и сохранилась после революционного землетрясения. Конечно, в деталях многое изменилось: произошло перестроение в рядах шагавших по дороге, у страны в соответствии с принципом «кто был ничем, тот станет всем» появились новые хозяева, сменились цвет, надписи и силуэты на транспарантах, порядок построения колонн. Но фундаментальные принципы организации и самоорганизации общества с нашей точки зрения в отличие от точки зрения веховцев остались теми же.

Затем не вполне справедливым представляется нам и характер суда, который веховцы вершат над интеллигенцией. Их **обвинения если и уместны, то по отношению не ко всей интеллигенции, а лишь к ее радикальному крылу**. Либералов же можно, пожалуй, упрекнуть только в недооценке масштабов опасности или во всяком случае в недостаточно активном противодействии ей. Этика «дружественного нейтралитета», в русле которой политически нейтральные или промежуточные слои интеллигенции предпочитали оказывать моральную (и не только) поддержку не находившимся у власти консерваторам-охранителям, а гонимым радикалам, при всей ее нравственной безупречности, в историческом плане, похоже, оказалась не самой мудрой. Но не солидаризироваться же им было в гонениях на радикалов с ретроградной, потерявшей не только способность к обновлению, но даже инстинкт самосохранения властью! Может быть, все же существовали какие-то возможности для наведения мостов, организации диалога и поисков компромисса между различными полюсами нашей политики? Может быть. Но с другой стороны, слишком уже непримиримо держали себя обе противоборствующие силы, слишком расходилась с российской политической традицией сама идея компромисса, терпимости к политическому противнику, так что диалога, вполне вероятно, не получилось бы в любом случае. Так или иначе, но огульно судить всю интеллигенцию и тем более фактически отождествлять ее с социалистической идеологией, с нашей точки зрения, неверно.

Но если уж и вершить суд, то рядом с радикальными интеллигентами на скамье подсудимых должны находиться и узколобые консерваторы из близких к власти кругов, которые вместо того, чтобы пытаться как-то решать назревавшие и перезревавшие общественные проблемы, только и знали, что заталкивали их вглубь, только «держали и не пуцали» и тем самым лишь повышали напряженность в обществе, лишь увеличивали давление в котле. И он в конце концов взорвался.

Различные косвенные данные свидетельствуют о том, что последовательные радикалы составляли очень незначительную часть

интеллигенции, и уже по одной этой причине вынесение обвинительного приговора всему интеллигентскому «сословию» представляется несправедливым. К тому же уже самые первые несколько месяцев после октябрьского переворота заметно сократили число симпатизировавших радикализму интеллигентов. Правда, функцию мозга режима выполняла как раз группа радикальных интеллигентов. Однако явное большинство интеллигенции испытывало по отношению к новой власти более или менее сильную неприязнь. И чувства эти с самого начала отличались взаимностью.

На наш взгляд, достаточно убедительно противоречит веховскому обвинительному вердикту против интеллигенции и то обстоятельство, что уже на заре своего режима большевики отнеслись к ней не как к союзнику, хотя бы бывшему или потенциальному, и даже не как к чему-то нейтральному, а как к силе, в основе своей враждебной и, более того, в принципе плохо вписывающейся в схему «нового общества».

И это совершенно естественно. **Большевицкая власть** по таким своим фундаментальным принципам, как монопольный контроль над всеми общественными функциями и механизмами, идеологическая унификация, эксплуатация неразвитости и косности народного сознания, жестокость, **по самому своему духу антагонистична и этическому кодексу интеллигента, и социальной роли интеллигенции как общественного слоя**, которой для выполнения своего общественного предназначения как воздух необходимы идейный и организационный плюрализм, свобода и независимость мышления, возможность дискуссий по любым вопросам. Поэтому, несмотря на то что новая власть в определенной мере сама являлась детищем части интеллигенции, **конфликт между нею и основной интеллигентской массой был имманентно присущ их взаимоотношениям**. Варьировалась лишь степень остроты и открытости этого конфликта.

Все это, повторяю, ощущалось уже с первых месяцев прихода к власти нового режима. Вы помните, кто был одной из основных жертв красного террора, над кем глумились снабженные для этого дела мандатами

советской власти вооруженные бандиты, кого арестовывали в качестве заложников, подавляли унижениями, голодом, холодом? Уже в декабре 1917 г. Ленин позаботился о том, чтобы взять всех интеллигентов на персональный учет и установить над ними настоящий полицейский надзор. И если бы только надзор...

Ленинское отношение к интеллигенции достаточно хорошо известно. Понимание необходимости использовать ее знания и ум сочеталось у него с полным отрицанием возможности признания ее интеллектуальной или какой-либо иной автономности. В беседе с М. Горьким осенью 1918 г. он рассуждал так: «Кто не с нами, тот против нас. ... Скажите интеллигенции, пусть она идет к нам. ... Разве я спорю против того, что интеллигенция необходима нам? Но вы же видите, как враждебно она настроена, как плохо понимает требования момента? И не видит, что без нас она бессильна, не дойдет к массам. Это - ее вина будет, если мы разобьем слишком много горшков» 85). Выработанная им вскоре политика «привлечения буржуазных спецов» представляет собой комбинацию из подкупа, жесткого контроля, «морального порабощения» (ленинское выражение) и запугивания посредством выборочных арестов (для «острастки»). Установка на потребительское использование интеллигенции, на манипулирование ею естественно сочеталась у него с явной неприязнью, подозрительностью и даже презрением. Достаточно вспомнить несколько выражений вождя в адрес «интеллигентико»е: «интеллигентские прихлебатели буржуазии» 86), «их комедиантские крики о «свободе» 87), «вопли «обывательской интеллигенции» 88), «на деле это не мозг нации, а говно» 89).

Очень показательны также секретное письмо Ленина Курскому (копия - Крыленко) от 31 марта 1922 г.: «По моему поручению бывшей МЧК было начато расследование по делу преступной халатности, волокиты и бездеятельности в Научно-техническом отделе и Комитете по делам изобретений.

Результаты расследования были представлены в Мосревтрибунал, который вместо того, чтобы по существу рассмотреть это дело, выявить и наказать виновных (а что в этих учреждениях имеется достаточное число ученых шалопаев, бездельников и прочей сволочи - отмечалось не

раз в печати, в статьях т. Сосновского и других), чрезвычайно покровительственно отнесся к обвиняемым, судил без обвинителя и в конце концов признал обвинение недоказанным и всех виновных оправдал.

В настоящее время мне сообщили, что Мосгуботдел Госполитуправления обжаловал решение Мосревтрибунала в отдел судебного контроля НКюста. Прошу Вас лично ознакомиться с этим делом, сугубо внимательно к нему отнестись, постараться совместно с РКИ собрать дополнительные материалы о деятельности этих учреждений, если нужно, назначить по соглашению с тов. Аванесовым ревизию - не из чиновников и слюнтяев, а из людей, которые действительно сумеют как следует обревизовать, добыть нужные материалы и найти виновных. Нужно в Ревтрибунале поставить политический процесс (с привлечением для печати т. Сосновского), который как следует перетряхнул бы это «научное» болото.

Мосревстрибуналу за послабление и формальное бюрократическое отношение к делу предлагаю объявить строгий выговор.

Председатель Совета
Народных Комиссаров
В. Ульянов (Ленин)» 90).

Думаю, в специальном комментарии этот документ не нуждается. Он сам по себе достаточно красноречив. С трудом верится, что его писал интеллигент по происхождению и по характеру деятельности. Как видите, интеллигент, последовательный в своем радикализме, в какие-то моменты доходит, по существу, до полного самоотрицания, до полной утраты и интеллигентских ценностей, и соответствующего им самосознания. Тем самым он, естественно, перестает быть интеллигентом. Правда, у большинства революционных интеллигентов-радикалов все-таки сохранились некоторые моральные табу, и по этой причине первое поколение вождей революции в отличие от последующих все же, хоть и с натяжкой, можно отнести к категории интеллигенции.

Во всяком случае в свете сказанного выше еще более несправедливым представляется огульное обвинение веховцами всей интеллигенции в целом.

Еще один штрих. Горький рассказывает, что на его частые ходатайства о спасении арестованных интеллигентов Ленин реагировал весьма неприязненно: «Он спрашивал: - Вам не кажется, что вы занимаетесь чепухой, пустяками? ... Он сокрушенно качал головой и говорил: - Компрометируете вы себя в глазах товарищей, рабочих» 91). Правда, в результате подобных просьб он обычно принимал некоторые меры (далеко не всегда достаточные, чтобы спасти человека), но показателен сам факт: спасать жизнь людей - чепуха, пустяки, к тому же способные дискредитировать человека в глазах гегемонов революции. Причем, разумеется, Горький не просил ни за тех, кого арестовали в связи со сколько-нибудь активным сопротивлением режиму, ни за «буржуев». Он хлопотал за ученых, писателей, артистов - людей, повинных максимум в выражении недовольства происходившим, т.е. в естественной, почти рефлекторной интеллигентской реакции на подобного рода события, за что им грозило физическое уничтожение.

Даже лояльность режиму не застраховывала от репрессий. С другой стороны, порой людей спасали и совершенно случайные, а то и просто курьезные обстоятельства. Ведь трагическое и комическое в жизни иногда переплетаются. Так, очевидец события рассказывал мне, что во время одной из домовых облав в Петрограде в 1918 г., проводившейся «по спискам» (уж не по тем ли, о составлении которых хлопотал Ильич?), писательницу Т.Л. Щепкину-Куперник от ареста и последующего расстрела уберегли вовсе не ее пробольшевицкие политические взгляды а «образованность» одного из чекистов, принявшего ее за родственницу... астронома Коперника.

О том, что партия большевиков, по сути дела, объявила интеллигенции войну, свидетельствует выступление верховного прокурора Республики на процессе так называемого Тактического центра в августе 1920 г.: «Кроме помещиков и капиталистов существовал и продолжает существовать еще один общественный слой, над социальным бытием которого давно задумываются представители революционного

социализма... Это слой так называемой интеллигенции... В этом процессе мы будем иметь дело с судом истории над деятельностью русской интеллигенции и с судом революции над ней» 92).

Однако тогдашняя интеллигенция была не «так называемой». И она доказала это, в частности и тем, как быстро она поняла подлинный смысл и сущность большевистского режима, и тем благородством, с какими тысячи ее представителей подняли голос против его преступлений и вообще против методов управления обществом, и тем мужеством, с каким они принесли себя в жертву попыткам борьбы с режимом - борьбы, в которой, они не могли этого не понимать, их шансы на успех и даже на личное спасение были минимальными. Но люди, смотревшие на свою жизнь как на служение обществу, не могли поступить иначе.

Не случайно М. Горький (на его двойственной позиции и последующей эволюции мы не будем останавливаться) сказал в споре с А. Блоком: «Всегда, ныне и присно, наше интеллигенция играла, играет и еще будет играть роль ломовой лошади истории» 93). Еще более ярко говорил о социальном предназначении интеллигенции один из трагических персонажей революционной драмы, человек, в юности тоже опьяненный радикальным романтизмом, но затем быстро отрезвевший и сумевший сделать очень много подлинного добра своим соотечественникам на пути личного служения, а в конце жизни выступивший в роли одного из духовных лидеров интеллигентской оппозиции революционному самодурству захвативших власть радикалов, - В.Г. Короленко: «Это - самая живая сила жизни, самое чуткое и острое орудие ее. ... Человечество начало творить свою историю с того дня, когда появился первый интеллигент; миф о Прометее - это рассказ о человеке, который нашел способ добывать огонь и тем сразу отделил людей от зверей. Вы правильно заметили недостатки интеллигенции, книжность, отрыв от жизни, - но еще вопрос: недостатки ли это? Иногда для того, чтобы хорошо видеть, необходимо именно отойти, а не приблизиться. А главное, что я вам дружески советую... обращайтесь больше внимания на достоинства! Подсчет недостатков увлекает всех нас - это очень простое и небезвыгодное дело для каждого. Но - Вольтер, несмотря на его

гениальность, был плохой человек, однако он сделал великое дело, выступив защитником несправедливо осужденного. Я не говорю о том, сколько мрачных предрассудков разрушено им, но вот эта его упрямая защита безнадежного, казалось, дела, - это великий подвиг! Он понимал, что человек прежде всего должен быть гуманным человеком. Необходима - справедливость. Когда она, накапливаясь понемногу, маленькими искорками, образует большой огонь, он сожжет всю ложь и грязь земли, и только тогда жизнь изменит свои тяжелые, печальные формы. Упрямо, не щадя себя, никого и ничего не щадя, вносите в жизнь справедливость» 94). (Когда такой человек, как Короленко, говорит о, может быть, самом важном для нас и тогда, и в нашем нынешнем состоянии, трудно оборвать цитату на середине...)

Не будем описывать фактическую сторону взаимоотношений интеллигенции с режимом, ее попыток в первое время как-то его модернизировать, а в дальнейшем - хотя бы минимально его очеловечить, на что режим реагировал жесточайшими репрессиями, запугиванием, подкупам, рассматривая все эти меры как средства к достижению одной цели - уничтожению вольного интеллигентского духа.

Все это должно послужить темой специальных исследований. Отметим лишь, что в своей борьбе интеллигенция была обречена по нескольким причинам. Во-первых, в своих намерениях и целях она оказалась одинокой и не понятой другими слоями населения. Во-вторых, джинн революции, выпущенный ею из бутылки, больше в ней не нуждался и мог с ней не церемониться. В-третьих, боролась она не с потерявшими хватку и разленившимися сторожевыми псами старого режима, а с молодыми, цепкими и беспощадными волками режима нового. Наконец, в-четвертых (но отнюдь не в последнюю очередь по важности), дух времени очень не благоприятствовал успеху традиционных интеллигентских средств борьбы, главным из которых всегда было слово.

Но даже слово в тот период лишилось интеллигентности и оцетинилось штыками нетерпимости и ненависти. Причем это относится не только к слову митингов, декретов, циркуляров, публицистики. Не осталось в

стороне и, казалось бы, наиболее дистанцированное от политических страстей слово художественное.

Поскольку о «революционной прозе» мы уже говорили, обратимся теперь к «революционной поэзии». Сборник под таким названием был составлен Л. Н. Войтоловским (95). Перелистав его, можно получить представление о тех общественных настроениях, совокупность которых и составляла господствующую атмосферу эпохи. В стихотворениях сборника слышатся и лихой разбойничий посвист, и патетический призыв к мятежу, и расчетливая жестокость выдавших виды преступников, и героика борьбы, и романтизация убийств и убийц, и призыв к бывшим отверженным не стесняясь всласть попировать на костях и за счет бывших обладателей привилегий, и мечта о призрачном прекрасном мире будущего, который почему-то должен возникнуть из окровавленных обломков мира старого, и даже немудрящая простодушная радость грабителя, с удовольствием примеряющего добро из неожиданно удачной богатой поживы... Поэтический уровень стихов чаще всего очень невысок, но есть и звенящие на высокой ноте неплохие образцы романтизма, вполне способные найти отклик в патетических душах интеллигентов-идеалистов. Не пожалеем нескольких страниц для выдержек из этого свидетельства эпохи, где, по словам составителя, не нашлось места для «чахоточных муз и чеховских нытиков», а «поэзия вспыхнула мятежом».

Не будет никогда забыт
Громовый пир огня и стали,
Когда мы осень распинали
На медных заревах борьбы.
Кровавой ненависти жало
Накаливалось на огне,
А явь мечту опережала,
А пули пели о весне.

Рви, барабан, пространства,
Дробите, камни, ноги, -
В мире нет постоянства
Нет поворотной дороги.
Мы подняли смерч крылатый,
Взрыли поля чугуном, -
Мы требуем полной платы
За столетия, убитые сном.

Не личности, не единицы,
А сотни тысяч на костре;
И души - огненные птицы
Летели к солнцу в октябре.

Ах, было радостно до боли
Взорвать сердцами будни лет,
Из черной, вековой неволи
Вдруг погрузиться в яркий свет...

Мы временно смерть призвали
Гниющее прошлое сжечь...
Наш меч и руки - из стали,
Земля - пепеляющая печь...
(В. Александровский)

Октябрь!

Разбитые окна и зеркала,
Крови сгущенной пятна;
И ночью и днем пулеметный лай,
То звонкий, то еле внятный...

Октябрь... -
Не спите, не спите, не спите,
Я с вами, от вас, за вас,
Чердаков и подвалов жители,
Пробил двенадцатый час!

Это я, - Октябрь.
Горящий, поющий, звенящий;
Кто не жил вчера, будет завтра жить!
За мною: со мной навсегда добить
И прошлое, и настоящее...

Вот так!

Так!

Москва богомольная рада ли?
Мы забили твои «святые места»
Белогвардейской падалью!..
Кровь не даст отступить назад,
Да и души - горящие факелы;
У повстанцев выцветшие глаза,
Но они никогда не плакали!
О, Октябрь!..

* * *

Взрывая горные громады,
Корчуча дебри и леса,
На бой зовем мы силы ада,

На бой зовем мы небеса.

Пожаром светлого восстания
Мы опояшем шар земной...
Мы вырвем из цепей страданья
Дух человеческий больной.

Мы все взорвем, мы все разрушим
Мы все с лица земли сотрем...
Мы солнце старое потушим,
Мы солнце новое зажжем...

Мы, разнося угрозу и пламень,
Зовем к восстанью, к мятежам...
Огонь, вода, железо, пламень, -
Все, все подвластно в мире нам...

Мы страсть, мы - сила, мы - движенье,
Мы - буйство хмеля, мы - порыв...
В грозе и буре наши звенья
Сковал могучий коллектив...
(П. Арский)

Двигутся, движутся, движутся, движутся,
В цепи железными звеньями нижутся,
Поступью гулкою грозно идут,
Идут,
Идут,
На последний, на главный редут! ...
Наша сила - в единеньи.
В одиночку каждый - парий.
Сердце мира - пролетарий.
Мы - вселенной рычаги.

Все, что есть - созданье наше.
Мы разрушим, мы построим.
Так вперед же бодрым строим!
Пусть погибнут все враги.
(Д. Бедный)

Мы во власти мятежного страстного хмеля;
Пусть кричат нам: «Вы палачи красоты»:
Во имя нашего завтра - сожжем Рафаэля,
Разрушим музеи, растопчем искусства цветы...

О, поэты, эстеты, кляните Великого Хама,
Целуйте обломки былого под нашей пятой,
Омойте слезами руины разбитого храма, а
Мы вольны, мы смелы, мы дышим иной красотой...
(В. Кириллов)

Мы спустились с гор,
мы из леса сползли
от полей, годами голодных.

Мы пришли -
миллионы,
миллионы скотов,
одичавших,
тупых
голодных...

Время -
в бои
тело носить.
Пули погуще
по оробелым! В гущу бегущим
грянь, парабеллум!...

Мы
тебя доконаем,
Мир романтик.
Вместо вер
в душе
электричество,
пар.

Вместо нищих -
всех миров богатство прикарманьте
Стар - убивать!
На пепельницы черепа! ...

Залпом глоток гремим гимн!
Миллион плюс!
Умножим на сто!..

Россия
вся
единый Иван,
и рука
у него -
Нева,
а пятки - каспийские степи...

Эй, стальногрудые!
Крепкие, ей!
Бей барабан!
Барабан бей!
Или - или.
Пропал, или пан.
Будем бить.
Бьем.
Били.
В барабан!
В барабан!
В барабан!
(В. Маяковский)

С ножами, с ружьями, - толпой
Идут к Обители Святой.

Предсмертный крик, предсмертный пляс;
Коли, руби, не спи, мой глаз!

Пощады нет, в крови кистень, -
Настал великий судный день...

Гудит земля, поют ножи,
Кто пел - вперед, кто пал - лежи.

В руках - ножи, в глазах - Мечта.
В руках - штыки, в глазах - Мечта
На белых пальцах стынет кровь!
В груди - кинжал, в глазах - Любовь.
(П. Орешин)

Народный сказ (под тальянку)

Батька, глянь-ка:
Как-никак -
Занимаем особняк.

Из деревни
Во дворец
Едет в гости мой отец.

- Кушай, тятка,
Осетрину.
Повезло родному сыну.

Жили-были
Во хлевах.
Ныне - в мраморных дворцах.

Брось ненужный
Разговор,
Ляг, родимый, на ковер!

Я за письменным
Столom
Напишу письмо пером.

- Мамка,
Тестюшка и сват,
Приезжайте в Петроград

В зипуне,
Хотя и рваном,
Все равно здесь будешь паном!

Встречу вас я на крыльце,
Во царевом во дворце.

Спи, родимый,
Спи, не бойся,
Лисьим мехом принакройся.

Брось из лыка
Лапотки,
Надень шелковы чулки.

Слушай, батя,
Знай сноровку,
А я вычищу винтовку.

В окнах звезды,
Свету нет.

Завтра выступим чуть свет.

Или - Воля
Голытьбе,
Или - в поле на столбе!

* * *

Он восстал - черномазый и серый,
Будто древний воскреснувший лик.
Рушит Кривду неистовой верой
Бородатый Микула-мужик.
Он по храму по божьему - колом,
Он по царской короне - дубьем.
Загремел по полям и по селам
Золотой, как набатище, гром...
От Днепра до китайской границы
От Онеги до Каспия в плоть,
От деревни до Красной Столицы, -
С кистенем ходит Красный Господь.
(Скиталец)

Я слышу обвалы гигантской постройки:
Она доживает последние дни...
В дворцах мы поставим рабочие койки,
На корпию мы отдадим простыни.

С оружием станем железной стеною,
Пожертвуем жизнью и кровью своей.
И - купим тогда дорогою ценою
Грядущее счастье наших детей!

* * *

Скорей, скорей, мы ждем, и голодны, и нищи.
О, наших не сочтешь змеящихся рядов,
И пусть погибнем мы под прахом городов -
Воскреснет новый мир на сером пепелище.

Приди и пронесись по высохшим полям,
Как красный, дымный вихрь, - огнями и железом!
О, дай мне жесткости - да буду волнорезом
Твоим стремительно-бегущим кораблям.
(Евг. Тарасов)

В самом деле, в стихах этих не нашлось места не только для «нытиков», но даже и для людей с такими вроде бы обычными человеческими свойствами, как доброта и уважение к другому человеку. Зато в них в избытке присутствует вера в круговую поруку зла, во всесилие и безнаказанность организованной толпы, которая спаяна общим преступным делом и в которой отдельный индивид низведен до уровня легко заменимого винтика.

Ахматова в те годы в целом находилась на уровне эмоциональных констатаций трагизма отдельных судеб, что в момент общего одичания тоже, конечно, очень немало.

Не бывать тебе в живых,
Со снегу не встать.
Двадцать восемь штыковых,
Огнестрельных пять.

Горькую обновушку
другу шила я,
Любит, любит кровушку
Русская земля
(16 августа 1921)

Для того ль тебя носила
Я когда-то на руках?
Для того ль сияла сила
В голубых твоих глазах?

Вырос стройный и высокий,
Песни пел, мадеру пил.
К Анатолии далекой
Миносец свой водил.

.....
На Малаховском кургане
Офицера расстреляли.
Без недели двадцать лет
Он глядел на Божий свет.

Однако высокое беспощадное ясновидение «Реквиема» пришло к ней много позднее.

Что же противостояло в поэзии этому «реву племени»?

Философский фатализм Мандельштама, раньше других почувствовавшего дух «века-волкодава» и осознавшего всю глубину происходившей трагедии?

Прославим, братья, сумерки свободы,
Великий сумеречный год!
В кипящие ночные воды
Опущен грузный лес тенет.
Восходишь ты в глухие годы,
О солнце, судия, народ!
Прославим роковое бремя,
Которое в слезах народный вождь берет.
Прославим власти сумрачное бремя,
Ее невыносимый гнет.
В ком сердце есть, тот должен слышать, время,
Как твой корабль ко дну идет.

х х х

На страшной высоте блуждающий огонь,
Но разве так звезда мерцает?
Прозрачная звезда, блуждающий огонь,
Твой брат, Петрополь, умирает.

На страшной высоте земные сны горят,
Зеленая звезда летает.
О, если ты звезда, - воды и неба брат,
Твой брат, Петрополь, умирает.

Чудовищный корабль на страшной высоте
Несется, крылья расправляет.
Зеленая звезда, в прекрасной нищете
Твой брат, Петрополь, умирает.

Прозрачная весна на черную Невой
Сломалась, воск бессмертья тает.
О, если ты звезда, -Петрополь, город твой,
Твой брат, Петрополь, умирает
(1918)

Век мой, зверь мой, кто сумеет
Заглянуть в твои зрачки
И своею кровью склеит
Двух столетий позвонки?
Кровь-строительница хлещет
Горлом из земных вещей,
Захребетник лишь трепещет
На пороге новых дней...

И еще набухнут почки,
Брызнет зелени побег,
Но разбит твой позвоночник,
Мой прекрасный жалкий век!
И с бессмысленной улыбкой
Вспять глядишь, жесток и слаб
Словно зверь, когда-то гибкий,
На следы своих же лап.

Кровь-строительница хлещет
Горлом из земных вещей
И горячей рыбой мечет
В берег теплый хрящ морей.
И с высокой ветки птичьей,
От лазурных влажных глыб
Льется, льется безразличие
На смертельный твой ушиб.
(1922)

Царственное презрение Цветаевой, чье молчаливое игнорирование
«злобы дня» тех лет говорит красноречивее любых слов?

Захлебнувшаяся Муза несчастного Блока, в первый момент принявшего
сполохи разбойничьих поджогов за зарю нового дня?

Возвышенный и экзотический пафос Гумилева, которому, как и многим
другим, запечатали уста способом отнюдь не из литературного
арсенала?

Но оборвем перечень, так как его продолжение вряд ли может чем-либо принципиально дополнить наш анализ. Не следует также забывать, что и некоторые из настоящих поэтов - Брюсов, Маяковский, отчасти Есенин и Пастернак, - восприняв события в героико-романтическом свете, начали, по сути дела, лить воду на ту же мельницу, что и пролеткультовцы. В свете всего этого торжество «боевитой», т.е. агрессивной и к тому же ухватившейся за колесницу политических победителей, поэзии было неизбежным.

Вернемся, однако, к судьбе интеллигенции в целом. **Октябрь 1917 года знаменовал начало ее заката на небосклоне социальной жизни России.** При этом солнце, как в тропиках, падало за горизонт все быстрее и быстрее. В исторически ничтожное время - за полтора-два десятилетия - интеллигенция начисто утратила ту роль, которую прочно сохраняла даже в самые тяжелые периоды романовской реакции, - роль общественной совести и стимулятора общественного самосознания. **Под новым режимом интеллигенция как социальная сила, по существу, погибла.** Конечно, это не следует понимать в абсолютно буквальном смысле, как ее поголовное физическое истребление или принуждение к оставлению родины, хотя и то, и другое, особенно метод облакаемой в юридические формы физической расправы, очень широко использовалось в ходе войны, которую режим объявил интеллигенции. Физически многие интеллигенты уцелели. Определенная их часть даже сохранила некий минимальный уровень благополучия, некоторые имели возможность воспитывать учеников, заниматься профессиональной деятельностью и т.п. Однако три репрессивных механизма давили на всех без исключения: подозрительное, неприязненно-недоверчивое отношение как властей, так и народной массы (присущее прежним временам почтение к образованному человеку было разрушено интенсивнейшей «антибарской» пропагандой); полное отсутствие того, что для каждого интеллигента является главным компонентом духовной жизни, - возможности свободного выражения и обсуждения мыслей; наконец, утрата возможности хотя бы относительно независимой материальной жизни, унижительная, угнетающая дух

полная экономическая его зависимость от монополизированных властью источников существования, ибо власть, по существу, держала руку на пульсе всех систем жизнеобеспечения своих граждан.

В целом интеллигентам была предписана, причем с гораздо большей жесткостью, нежели когда-либо ранее, роль ученых приказчиков власти, которым не доверяют, но которых по необходимости терпят. Никаких других ролей за интеллигенцией не признавалось.

Естественно, что в подобных условиях интеллигенция очень быстро утратила все свои позиции. Звезды других сил взошли на нашем общественном небосклоне. Правда, порой им присваивали чужие, интеллигентские имена, но суть их от этого не менялась. **У остатков же интеллигенции** в прежнем (и единственно адекватном) смысле слова в лучшем случае **хватало сил и возможностей лишь на две задачи: в сфере социальной рефлексии - на то, чтобы сберечь немногочисленные слабо мерцающие огоньки своей культуры, пронести их сквозь леденящую стужу и мрак наступившей ночи и передать следующим, может быть, более удачливым поколениям; в сфере социального действия - лишь на тот минимум деятельности, который предохраняет общество от необратимого нравственного одичания и умственного вырождения.**

И эти две скромные, но такие важные задачи как будто удалось выполнить, хотя потери понесены интеллигенцией чудовищные, невозполнимые. Притом цена их измеряется не только персональными утратами, как бы они ни были велики. Есть по крайней мере еще два существенных элемента послереволюционной трагедии русской интеллигенции.

Прежде всего, произошел если не полный обрыв преемственности, то во всяком случае значительное ее ослабление. Никто не считал, сколько семейных цепочек интеллигентских традиций, передававших от одного поколения к другому интеллигентский дух и соответствующее ему отношение к жизни, оборвалось в послереволюционное время. Преследуемая, гонимая, подавляемая морально и физически, интеллигенция в те годы стихийно, а иногда и сознательно перестала

воспроизводить себя в своих потомках. В результате дети потомственных интеллигентов не становились их духовными наследниками. Накопленный поколениями духовный и нравственный капитал зарывался в землю вместе с его последними носителями. А для интеллигенции преемственность духа важна чрезвычайно. Разумеется, мы далеки от того, чтобы безоговорочно распространять на интеллигенцию классическую английскую формулу о трех предшествующих поколениях джентльменов как необходимом атрибуте облика подлинного джентльмена, но все же и применительно к нашей теме она также не лишена смысла. 96) Известно, что в большинстве своем интеллигенты первого и даже второго поколения, вполне органично впитав в себя целый ряд важных компонентов интеллигентского образа, не усваивают такие существеннейшие его черты, как установка на бескорыстное служение общественному благу, критическая неудовлетворенность существующим положением дел в различных областях общественной жизни, готовность на определенные жертвы во имя общих интересов и принципов, т. е. готовность «пострадать за правду». Однако будем объективны: перечисленными чертами обладают далеко не все и из потомственных интеллигентов. Впрочем, на наш взгляд, утратив их, они, несмотря ни на какую, пусть самую блистательную, интеллигентскую родословную, перестают быть интеллигентами в подлинном смысле слова и превращаются просто в джентльменов. Таким образом, **принадлежность к интеллигенции не передается по наследству автоматически: ее трудно приобрести, особенно за одно поколение, но легко потерять за то же и даже за меньшее время.**

Но даже если отвлечься от обстоятельств, связанных с преемственностью, то остается очевидным, что при переходе от русской интеллигенции к советской произошел заметный регресс, понижение ее нравственного уровня. На смену подлинным людям духа на авансцену вышли прагматичные, а то и просто циничные дельцы. Но всего тяжелее от сознания, что этот регресс интеллигенции был лишь одним из компонентов всеобщего нравственного регресса, происшедшего в нашей

стране после революции. Равно и поражение интеллигенции в конфликте с режимом стало трагедией не только для нее самой, но и для всей нации.

* * *

Однако пора подвести некоторые итоги нашему дифференцированному рассмотрению факторов, направлявших ход событий в годы революции и первые несколько лет после нее, а также позиций и судеб различных социальных групп. Каковы же реальные результаты этого катаклизма, равно гигантского и по произведенным им внешним потрясениям, и по связанным с ним социальным ожиданиям, и, самое страшное, по беспрецедентным для внутривнутриполитического события масштабам человеческого горя, числу человеческих трагедий?

Прежде всего, о главных, с нашей точки зрения, параметрах.

В социально-этическом плане произошел ренессанс системоцентризма, т. е. его возрождение и укрепление на новой, более динамичной и прочной основе.

В плане социально-психологическом за счет разрушения некоторых вторичных, производных стереотипов национального сознания и их замены другими, по форме более модернистскими, но по своей глубинной сути работающими на те же базовые ценности, также произошло укрепление традиционного психологического генотипа.

Теперь о тех аспектах, которые обычно (во всяком случае в рамках социологического и политологического анализа) рассматриваются в качестве ведущих и даже самодовлеющих, но, с нашей точки зрения, являются производными.

В идеологическом плане место государственного православия заняла новая официальная религия, фразеологически совершенно иная, но по способам воздействия на умы паствы, по формируемому ею социальному типу личности подобная ему и потому успешно эксплуатирующая наиболее косные традиционные стереотипы сознания.

В плане политического режима изменения также коснулись скорее внешних атрибутов и отчасти форм осуществления власти, а также состава обладающих ею групп, чем политических целей и средств их достижения. Особенно **очевидна преемственность** в области, практически целиком выводимой из социально-этических и социально-психологических факторов, - в области духа политической жизни, который на более конкретном уровне раскрывается через категории политического сознания и политической культуры общества.

Главные, «несущие» опоры системоцентристской политической системы не только успешно пережили «смутное время» революции, но в некоторых отношениях стали еще крепче. Подтвердилась верность догадки, высказанной в одном из первых комментариев событий еще в 1918 г.: «В новизне нашего социалистического строя старина самодержавия слышится» 97), - а также волошинских прозрений:

Есть дух Истории - безликий и глухой,
Что действует помимо нашей воли...
И тот же дух ведет большевиков
Исконными российскими путями.
Грядущее - искомый сон корней:
Во время революций водоверти
Со дна времен вздымает древний ил,
И новизна рыгает стариною.
Мы не вольны в наследии отцов,
И, вопреки бичам идеологий,
Колеса вязнут в старой колее...
Истории потребен сгусток воль:
Партийность ж и программы безразличны.

В России революция была
Исконнейшим из прав самодержавья.
(Как ныне в свой черед утверждено
Самодержавье правом революций.)

Пожалуй, единственным серьезным изменением стала смена правящей политической элиты - замена традиционной российской псевдоаристократии на откровенную охлократию.

Экономический аспект мы в работе не анализируем. Поэтому ограничимся лишь попутным замечанием, что именно с экономической точки зрения фактический крах, фантастическая неэффективность новой системы, возникшей на месте прежней, очевиднее, чем в любом другом отношении: оценка системы, которая в период беспрецедентного в истории человечества мирового технического и технологического прогресса не могла удовлетворить элементарные нужды своих граждан, думается, может быть только однозначно негативной.

Итак, трагедия русской революции стала жестоким подтверждением иллюзорности социально-технократических в своей основе представлений материалистических философов и радикальных политиков, согласно которым корни человеческих несчастий якобы гнездятся в дефектах общественного устройства и, следовательно, их можно устранить, ограничившись лишь преобразованием этого устройства в соответствии с некими умозрительными идеалами.

В годы революции методом от противного была доказана справедливость толстовской убежденности в бесплодности ориентации на совершенствование в первую очередь внешних форм человеческого взаимодействия, т. е. сферы социального. В действительности победить зло можно лишь на путях внутреннего, т. е. духовного, нравственного совершенствования, на путях раскрытия потенциала того доброго начала, которое, как говорят оптимисты, заложено в душе каждого человека. Общественные же институты, при всей их важности, могут только способствовать или противодействовать этому.

Ясно также, что для того, чтобы двигаться вперед, необходимо отказаться от анестезии романтических иллюзий относительно нашего «славного», «героического» прошлого, от ложных критериев «величия» и

проанализировать наше былое и сущее с позиций положения и судьбы отдельной, уникально-неповторимой человеческой личности. И может быть, тогда наши раздумья станут плодотворными и укажут нам путь к достойному Человека существованию.

Но это произойдет не раньше, чем когда мы вслед за Волошиным «почувствуем безмерную вину Всея Руси - пред всеми и пред каждым».

Сноски к главе VIII.

- 1 Токвиль А. Старый порядок и революция. Петроград, 1918. С.14.
- 2 Аскольдов С. А. Религиозный смысл русской революции // Из глубины. Париж, 1967. С.50.
- 3 Бердяев Н. А. О русской революции // Бердяев Н. А. Философия неравенства: Письма к недругам по социальной философии. Париж, б.г. С.26.
- 4 Hammer D.P. USSR: The Politics of Olygarchy. Westview Pr., 1986.
- 5 Бердяев Н.А. Духи русской революции // Из глубины. С.96.
- 6 Батищев Г.С. Деятельностная сущность человека как философский принцип // Проблема человека в современной философии. М., 1969. С.138.
- 7 Покровский И.А. Перуново заклътье // Из глубины. С.276-277.
- 8 Горький М. Собр. соч. М.; Л., 1931. Т.22. С.206-207.
- 9 См.: Минин А.А. Дух разрушения в русской революции: Социально-психологический этюд // Год русской революции. М., 1918. С.27-39. Я сознательно буду неоднократно обращаться к этому весьма любопытному, но практически неизвестному сборнику статей, написанных «по горячим следам» событий весьма информированными авторами.
- 10 К. Маркс в «Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта» охарактеризовал подобное движение как «деклассированную толпу, жаждущую передела национального богатства в форме подачек, пособий, поощрений».
- 11 Франк С. Л. De Profundis // Из глубины. С.319.
- 12 Покровский И. А. Указ. соч. // Там же. С.275.
- 13 Там же. С.284.
- 14 См.: Там же. С.75.
- 15 Пильняк Б. Голый год // Избранные произведения. М., 1976. С.104.
- 16 Горький М. Петербургские типы // Собр. соч. М.; Л., 1930. Т.19. С.166.
- 17 Минин А. А. Указ. соч. С.38.

- 18 Горький М. Собр. соч. Т.19. С.154.
- 19 Год русской революции. С.33.
- 20 Из серьезных фактографических работ на эту тему см., напр.: Волкогонов А.Д. Ленин. Т.2. М. 1994; Яковлев А.Н. По мощам и елей. М. 1995; Куртуа де,Ст. Черная книга коммунизма. М. 2001.
- 21 Розенблюм Д. С. Противоречия русской революции // Год русской революции. С.23.
- 22 Кондратьев Н. Д. Год революции с экономической точки зрения // Там же. С.218.
- 23 Бердяев Н. А. Духи русской революции // Из глубины. С.86.
- 24 Там же. С.104.
- 25 Ленин и ВЧК. М., 1975. С.503-504 и далее.
- 26 Ленин В. И. Запуганные крахом старого и борющиеся за новое // Полн. собр. соч. Т.35. С.21.
- 27 Короленко В. Г. Письма Луначарскому. Париж, 1922. С.21.
- 28 Горький М. О С. А. Толстой // Соч. М.; Л., 1931. Т.22. С.153.
- 29 Токвиль А. Указ. соч. С.154.
- 30 Фабричный П. Печать // Год русской революции. С.155.
- 31 Декреты Советской власти. М., 1957. Т.1. С.25.
- 32 Ленин и ВЧК. С.37.
- 33 Декреты Советской власти. Т.1. С.432.
- 34 СУ РСФСР. 1918. № 28. Ст.362.
- 35 Там же. 1922. № 40. Ст.461. См. также: Законы о печати. Сост. Н.М. Николаев. М., 1924.
- Вот когда и кем были заложены основы системы удушения независимого слова. Происшедшие за последующие семьдесят с лишним лет изменения стали лишь ее логическим завершением: усовершенствовалась структура, исчезли частные издательства, были отменены льготы и изъятия из общего порядка (п.4), наконец, существование самого Главлита стало строго засекреченным.
- 36 Декреты Советской власти. Т.1. С.166.
- 37 Там же. С.161.
- 38 См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т.45. С.189.
- 39 Минин А. А. Указ. соч. // Год русской революции. С.34.

- 40 См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т.35. С.65-67.
- 41 Там же. Т.50. С.238.
- 42 Ленин и ВЧК. С.108-109.
- 43 Яковлев А.Н. Цит. соч. С. 38.
- 44 Там же. С.40-41-42; Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919-1921 гг. «Антоновщина». Документы и материалы. Тамбов. 1994. С. 178-179.
- 45 СУ РСФСР. 1918. № 47. Ст.559.
- 46 Там же. № 27. Ст.350-360.
- 47 Там же. 1919. № 50. Ст.488.
- 48 Ленин и ВЧК. С.151-152.
- 49 Там же. С.184.
- 50 Там же. С.216.
- 51 Постановление Совета РКО от 12.12.1918 г. «Об упорядочении железнодорожного транспорта» // СУ РСФСР. 1918. № 93. Ст.930, п.3.
- 52 См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т.35. С.157-158.
- 53 Там же. Т.40. С.279.
- 54 Там же. Т.50. С.338.
- 55 Ленин и ВЧК. С.57.
- 56 См., напр.: Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. Париж, 1987. Т. I.
- 57 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.33. С.45.
- 58 См.: Ленин и ВЧК. С.417-418.
- 59 Правда. 1937. 21 декабря.
- 60 Формулируя цели новой политики, вождь говорил откровенно и определенно: большевикам необходимо перегруппироваться перед новым натиском на «классового врага». Иными словами, он рассматривал даже частичный возврат к элементарным атрибутам жизни нормального общества как меру вынужденную и временную. Так что все последующее было сделано именно в соответствии с его заветами.
- 61 Гернет М. Н. Преступность и самоубийства во время войны и после нее // Избранные произведения. М., 1974. С.463.
- 62 Там же. С.463-464.

- 63 Гернет М. Н. Предисловие к работе «Преступный мир Москвы» // Там же. С.424.
- 64 Там же. С.428.
- 65 Бердяев Н. А. Философия неравенства. С.26.
- 66 Там же. С.104-105.
- 67 См.: Галкин А. А. Германский фашизм. М., 1969. Это с очевидностью вытекает из столь многих мест книги, что даже нет смысла ссылаться на конкретные страницы.
- 68 См.: Рахшмир П. Ю. Происхождение фашизма. М., 1981. С.83.
- 69 Там же. С.74.
- 70 Там же. С.92.
- 71 Там же. С.94.
- 72 Там же. С.96.
- 73 Там же. С.82.
- 74 Там же. С. 103-104.
- 75 Там же. С.145.
- 76 Там же. С.146.
- 77 Яковлев А.Н. Цит. соч. С.86.
- 78 Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С.191-193.
- 79 Коммунистический режим и народное сопротивление в России 1917-1991. М. 1997. С.17; См также: Цыпин В.А. История русской православной церкви. 1917-1990. М. 1994.
- 80 Из глубины. С.184.
- 81 Там же. С.241.
- 83 Там же. С.257.
- 83 Там же. С.317.
- 84 Айхенвальд Ю. М. Наша революция. Ее вожди и ведомые. Серия: Революция и культура. М., Мысль. 1918.
- 85 Горький М. В. И. Ленин // Соч. М.; Л., 1931. Т.22. С.209.
- 86 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.35. С.193.
- 87 Там же.
- 88 Там же. Т.37. С.173.
- 89 Там же. Т.51. С.48.
- 90 Там же. Т.54. С.220-221.

91 Горький М. В. И. Ленин // Соч. Т.22. С.212.

92 Цит. по: Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. Т.1. С.321.

93 Горький М. А. А. Блок//Соч. М., 1930. Т.19. С.175.

94 Горький М. Время Короленко // Соч.Т.18. С.158.

95 См.: Революционная поэзия: Чтец-декламатор / Сост. Л.Н. Войтоловский. Киев, 1923.

96 Кстати, в русском разговорном языке выражение "интеллигентный человек" часто употребляется именно как смысловой эквивалент английского понятия "джентльмен", что вносит дополнительную путаницу.

97 Год русской революции. С.156.